

451  
Губернатору викария иному  
Петру Александровичу  
Ефремову  
отъ

Какашъ и Тектандеръ.

переводника  
18<sup>29</sup>II 98 ч.

# ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕРСІЮ

## ЧЕРЕЗЪ МОСКОВІЮ

1602—1603 ГГ.

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

Алексѣй Станкевичъ.



МОСКВА

—  
1896

Канашъ и Тектандеръ.

**ПУТЕШЕСТВІЕ ВЪ ПЕРСІЮ  
ЧЕРЕЗЪ МОСКОВІЮ**

**1602—1603 ГГ.**

ПЕРЕВЕЛЪ СЪ НѢМЕЦКАГО

**Алексѣй Станкевичъ.**



МОСКВА.

Университетская типографія, Страстной бульваръ.

1896.

*98/100*  
*29/1/20*



Печатано подь наблюденіемъ Члена-Соревнователя А. И. Станкевича.

Изъ „Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и Древностей  
Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ“ за 1896 годъ.

№ 1568

Мы имѣемъ мало свѣдѣній какъ о самомъ Стефанѣ Какашѣ, такъ и о продолжателѣ его дѣла, Георгѣ Тектандерѣ. О первомъ намъ извѣстно лишь, что онъ былъ родомъ изъ старой, дворянской семьи въ Седмиградѣ, имѣлъ ученую степень доктора правъ и успѣлъ оказать, какъ-то, важныя услуги Маріи Христинѣ, дочери эрцъ-герцогини Маріи и женѣ Сигизмунда Баторія. Въ качествѣ сторонника австрійской династіи, онъ навлекъ на себя вражду своихъ земляковъ и родственниковъ, былъ вынужденъ покинуть родину, и тогда прибѣгнувъ къ покровительству эрцъ-герцогини, прося о разрѣшеніи продать принадлежащія ему земли и переселиться въ Тироль. Разрѣшеніе ему было дано, но, еще, кромѣ того, императоръ Рудольфъ II, въ знакъ особой милости и въ награду за его приверженность, рѣшилъ отправить его посломъ въ Персію, во-первыхъ, въ отвѣтъ на посольство отъ Шаха, бывшее въ 1600 году, а во-вторыхъ, съ цѣлью просить поддержки у Шахъ-Аббаса противъ Турокъ. Какашъ отправился въ сопровожденіи двухъ „слугъ“, какъ они называются въ донесеніи, но вѣрнѣе сказать, двухъ „товарищей“, именно: Георга Тектандера фонъ-деръ-Ябель и Георга Агеласта. Первый занималъ, повидимому, при немъ должность секретаря,—о спеціальной же какой-либо службѣ Агеласта мы не имѣемъ свѣдѣній. Тектандеръ былъ родомъ изъ Саксоніи, внукъ извѣстнаго ученика Лютера и Меланхтона, Мартина Тектандера, выступившаго, однимъ изъ первыхъ, горячихъ поборниковъ и проповѣдниковъ новаго ученія. Кромѣ того въ составъ посольства входило еще нѣсколько лицъ. Какашъ выѣхалъ изъ Праги 27-го августа 1602 года, прибылъ въ Москву 6-го ноября <sup>1)</sup> и выѣхалъ отсюда 7 декабря на Астрахань, дабы тамъ сѣсть на судно и плыть въ Персію. По дорогѣ, въ Казани, посольство было задержано зимою и лишь 27-го мая 1603 года прибыло въ Астрахань. Здѣсь путешественникамъ пришлось опять провести два мѣсяца въ приготовленіяхъ къ плаванію по морю, затѣмъ они употребили 31 день на переѣздъ изъ Астрахани въ Ленкорань, а въ этомъ городѣ должны были дожидаться

---

<sup>1)</sup> См. приложение 1-е.

еще около 10-ти недѣль разрѣшенія отъ Шаха ѣхать дальше. Отсутствіе доброкачественныхъ жизненныхъ припасовъ вмѣстѣ съ нездоровымъ климатомъ этой мѣстности дурно повліяло на здоровье членовъ посольства; всѣ они переболѣли, а нѣкоторые изъ нихъ, въ томъ числѣ и самъ посоль, Стефанъ Какашъ, скончались. Передъ смертью онъ написалъ своимъ слугамъ-товарищамъ—Тектандеру и Агеласту—особый наказъ, въ которомъ поручалъ имъ, между прочимъ, докончить, начатое имъ дѣло. Съ большими затрудненіями, оставшись чуть не совершенно одинъ—ибо Агеластъ тоже скоро умеръ—Тектандеръ выполнилъ порученіе императора и послѣднюю волю Какаша, и затѣмъ пустился въ обратный путь, опять черезъ Москву. Здѣсь ему пришлось видѣть торжественный вѣздъ и пышный приѣмъ посла Генриха фонъ-Логау, отправленнаго Рудольфомъ II къ Борису Годунову съ просьбой о поддержкѣ противъ Турокъ. Въ свитѣ этого посла, выѣхавшаго обратно въ Германію 24-го августа 1604 года, отправился и Тектандеръ. Они направились въ Нарву, а оттуда, моремъ въ Штеттинъ и, послѣ разныхъ приключеній и задержекъ, прибыли наконецъ благополучно въ Прагу, гдѣ Тектандеръ составилъ подробное описаніе своего путешествія и, 8 января 1605 года, представилъ его императору. Намъ неизвѣстно, какъ оно было принято, и получилъ ли Тектандеръ заслуженное возмездіе за всѣ свои труды. Мы знаемъ лишь, что ему пришлось вытерпѣть немало разнаго рода непріятностей отъ вдовы Какаша, которая требовала отъ него вещи и деньги своего мужа и, въ особенности, заявляла претензію на драгоценную саблю, подаренную Тектандеру самимъ Шахъ-Аббасомъ. Послѣдніе годы жизни Тектандеръ провелъ въ должности таможеннаго сборщика и въ 1614 году застрѣлился какъ-то самъ, вѣдствие неосторожнаго обращенія съ оружіемъ.—Составленное имъ описаніе путешествія было вѣтъ-то напечатано еще при жизни его, но, повидимому, безъ его вѣдома и разрѣшенія, и неизвѣстно въ какомъ именно году и гдѣ. Этого перваго изданія, кажется, пока никому изъ ученыхъ и библиографовъ не удавалось видѣть. Въ предисловіи ко 2-му изданію, вышедшему въ 1609 году, подъ наблюденіемъ самого автора, Тектандеръ говоритъ, что „оно было не полно и съ ошибками“ (*sogar kurtz, nur particulariter... und sehr vitiose*), и что онъ поэтому выпускаетъ новое, исправленное изданіе. Оно вышло, какъ уже сказано выше, въ 1609 году, подъ слѣдующимъ заглавіемъ: <sup>1)</sup> „*Iter persicum. Kurtze doch auszfürliche und warhafftige Beschreibung der*

<sup>1)</sup> Привожу заглавіе точно, со всѣми его сокращеніями и опечатками.

Persianischen Reisz: Welche auff der Röm: Kay: May: allergnedig. Befelch im Jahr Christi 1602. Von dem Edlen und gestrengen Herren Stephano Kakasch von Zalonkemeny vornehmen Siebenbürgischen vom Adel angefangen: Und alsz derselbig unter wegen zu Lantzen in Medier Land todes verschieden: von seinem Reiszbefehrten Georgio Tectandro von der Iabel vollends continuiert und verrichtet worden. Beyneben fleissigen verzeichnisz aller gedencwürdigen Sachen, welche ihnen so wol unter wegen in Polen Littaw Reussen Moscau Tartarey, Cassaner und Astarcaner Land, und auff dem Caspischen Meer: Alsз auch in Persien und Armenien auch andern Provintzen Asiae und Europae hin und wieder begegnet und zugestanden: Wie solches durch obgemelten Herrn Georgen Tectander von der Iabel zu seiner nach Prag wiederkunfft auffс Pappier gebracht und höchstgedachter ihrer Kays. May. Anno 1605 den 8. Ian. unterthenigst ist übergeben worden. Nu mit fleisz ubersiehen und in Druck verfertiget, auch mit schönen Kupfferstücken gezieret.—1609. Gedruckt zu Altenburg in Meissen, In verlegung Henning Grossen des jüngern<sup>o</sup>. т.-е. „Iter persicum, краткое, но обстоятельное и правдивое описание путешествія въ Персію, предпринятаго въ 1602 г. по Р. X. по всемилостивѣйшему приказанію Е. Р. И. В. благороднымъ и доблестнымъ господиномъ Стефаномъ Какашемъ изъ Залонкемени, дворяниномъ Седмиградскимъ; по кончинѣ же его въ пути, въ Ланценѣ, въ Мидіи, продолженнаго и до конца свершеннаго его спутникомъ Георгомъ Тектандеромъ фонъ-деръ-Ябель. Съ точнымъ перечнемъ всего достопримѣчательнаго, встрѣтившагося имъ и приключившагося съ ними, какъ во время путешествія въ Польшѣ, Литвѣ, Россіи, Московіи, Тартаріи, Казани и Астрахани и на Каспійскомъ морѣ, такъ и въ Персіи и Арменіи и другихъ областяхъ Азіи и Европы. Въ томъ видѣ какъ это было изложено на бумагѣ вышепомянутымъ господиномъ Георгомъ Тектандеромъ фонъ-деръ-Ябель, по его возвращеніи въ Прагу, и всеподданнѣйше преподнесено вышеназванному Императ. Величеству, 8 января 1605 года. Нынѣ же тщательно просмотрѣнное, отпечатанное и украшенное прекрасными рисунками, рѣзанными на мѣди. 1609. Напечатано въ Альтенбургѣ, въ Мейссенѣ, иждивеніемъ Геннинга Гроссена младшаго<sup>o</sup>.

Черезъ годъ, въ 1610 году, Тектандеръ выпустилъ новое, 3 е издание своей книги, ничѣмъ, впрочемъ, не отличающееся отъ предыдущаго, если не считать исправленія двухъ, трехъ, очевидныхъ опечатокъ. Повидимому, и въ то время уже, книга эта возбуждала интересъ и быстро расходилась. Въ 1819 году она стала уже до того

рѣдка, что бар. Гормайеръ <sup>1)</sup> нашель нужнымъ перепечатать ее въ своемъ „Архивѣ для географіи и исторіи“, по рукописи, хранящейся въ Вѣнѣ.—Съ нѣмецкаго эта книга, пока, переведена вполне, сравнительно лишь недавно, въ 1877 году, на французскій языкъ, г. Шеферомъ, <sup>2)</sup> правительственнымъ переводчикомъ и завѣдующимъ школою живыхъ восточныхъ языковъ въ Парижѣ. Переводъ г. Шефера, вообще говоря, хорошъ, несмотря на встрѣчающіяся въ немъ, изрѣдка, невѣрности. Къ своему переводу г. Шеферъ приложилъ введеніе, гдѣ сообщаетъ, между прочимъ, біографическія свѣдѣнія о Какашѣ и Тектандерѣ, почерпнутыя имъ изъ документовъ государственнаго архива въ Вѣнѣ, и еще четыре документа (въ французскомъ же переводѣ), значительно дополняющихъ разсказъ Тектандера и нигдѣ еще, раньше, не напечатанныхъ. Особенно интересны изъ нихъ два письма Какаша къ бар. Вольфу Унферцахту, изъ Москвы, отъ 25 и 26 ноября 1602 года. Они приложены здѣсь въ переводѣ, къ сожалѣнію, сдѣланномъ съ французскаго, такъ какъ мнѣ не удалось достать точныхъ копій на языкъ оригинала.—Въ книгѣ Аделунга „Критико-литературное обозрѣніе путешественниковъ по Россіи“ приведено нѣсколько выписокъ изъ книги Тектандера, но онѣ не всегда вѣрно переведены г. Клевановымъ. Что касается, наконецъ, рисунковъ, приложенныхъ къ нѣмецкому подлиннику, то они не представляютъ ничего новаго и суть лишь уменьшенныя копія съ рисунковъ, приложенныхъ къ сказаніямъ другихъ иностранныхъ писателей о Россіи.

Членъ соревнователь Общества **Алексѣй Станкевичъ.**

<sup>1)</sup> Hormayer.—Archiv für Geographie, Historie, Staats—und Kriegskunst, Jahrgang 1819 № 11, 12, 27, 29, 37, 39, 40, 41.

<sup>2)</sup> Iter persicum, ou description du voyage en Perse, entrepris en 1602, par Etienne Kakasch de Zalonkemeny envoyé comme ambassadeur par l'empereur Rodolph II, à la cour du grand-duc de Moscovie et à celle de Chah Abbas, roi de Perse. Relation redigée en allemand et présentée à l'empereur par George Tectander von der Iabel.—Traduction publié et annotée par Ch. Schefer, premier secrétaire interprète du Gouvernement, administrateur de l'école des langues orientales vivantes.—Paris 1877.

## Описаніе путешествія.

Когда Его Величество Императоръ Римскій и Король Венгерскій и Чешскій, Всемилостивѣйшій Государь нашъ, Повелитель и Господинъ, Божіею милостію, Рудольфъ II, по достаточномъ обсужденіи (gnugsamer Berathschlagung) заблагоразсудилъ всемилостивѣйше отвѣтствовать Свѣтлѣйшему, Могущественному Королю (König) и Повелителю Персіи, Шахъ-Аббасу на его посольство, бывшее за нѣсколько лѣтъ до сего, именно въ 1600 году, и въ которомъ состояли: во первыхъ персъ древняго, знатнаго рода, Гассанъ-Али-Бегъ, а во вторыхъ, знатный англичанинъ Антонъ Ширль, (Schirle) то онъ милостиво удостоилъ избраніемъ къ свершенію сего дѣла, благороднаго и доблестнаго (edlen und gestrengen) господина Стефана Какаша изъ Залонкемени, знатнаго Седмиградскаго дворянина, коего онъ, въ 1602 году, и отпустилъ (abgefertiget), а тотъ отправился въ путь 27 августа того же года, принявъ 25 августа, предъ отъѣздомъ, по рекомендаціи г-на Доктора Кремера, императорскаго апелляціоннаго совѣтника (Kaiserl. Appellation Rath), меня, Георга Тектандера фонъ деръ Ябель, къ себѣ на службу. И такъ, мы направились изъ Праги ближайшимъ путемъ чрезъ Силезію, Польшу, Мазовію, Литву и Бѣлую Россію и, перво на перво, прибыли въ Швейницъ (Schweidnitz) въ Силезіи, красивый городъ, украшенный прекрасными сооружеціями, домами, стѣнами и рвами (Gebäude, Häuser, Mauern und Gräben). Хранится тамъ также (auch) мечъ нѣкоего древняго герцога, длиною около 4-хъ локтей (Ellen), такъ что одинъ человѣкъ насилу можетъ его поднять и, рядомъ съ нимъ, громадная пушка (Stück Geschütz).

Отсюда мы отправились 31-го того же мѣсяца въ Бреславль, большой городъ, могуцій считаться однимъ изъ выдающихся, красивѣйшихъ городовъ Германіи. Мы прибыли туда 1 сентября и въ тотъ же день отправились дальше въ Эльсъ (Oelsse), гдѣ живетъ князь Карлъ Мюнстербергскій (Carolus, Fürst zu Münsterberg). 3 сентября мы прибыли въ Вартенбергъ, гдѣ проживаетъ баронъ Авраамъ, бургграфъ города Доны, незадолго предъ этимъ, бывшій посломъ Его



Величества Императора Римскаго въ Московію <sup>1)</sup>). Господинъ Какашъ навѣстилъ его и всячески совѣтовался съ нимъ относительно путешествія, а также взялъ письмо отъ него къ канцлеру <sup>2)</sup> (Santzer) Великаго Князя Московскаго.

На другой день, 4 сентября, Императорскій Посоль прибылъ въ Велонь (Welon), принадлежащую Польскому государству, а отсюда 5 сентября, въ Ченстохово (Chyestacoam), близъ котораго, приблизительно въ  $\frac{1}{4}$  мили отъ городка, находится весьма красивый монастырь (Stift und Kloster), куда изъ разныхъ мѣстъ приходитъ много людей на богомолье. Посоль посѣтилъ здѣсь церковь и затѣмъ отправился, кратчайшей дорогою, дальше, въ Краковъ, куда и прибылъ 6-го сентября. Этотъ городъ—столица Польши и лежитъ на водной (Wasserfluss) рѣкѣ Вислѣ. Въ немъ пребываетъ королевскій дворъ. Дворецъ короля построенъ на укрѣпленной возвышенности, гдѣ находятся также три церкви. Одна изъ нихъ—соборъ, гдѣ 300 канониковъ постоянно, утромъ и вечеромъ, обязаны пѣніемъ отправлять различныя богослуженія.

Епископъ Краковскій имѣетъ болѣе 60.000 кронъ годоваго дохода; главные каноники также имѣютъ, по большей части, собственныя деревни и земли. Этотъ городъ, Краковъ, дѣлится на три части: первая называется Краковомъ, вторая—Казиміромъ, по имени одного короля, а третья—Клеопардіей. Въ дворцовой церкви или соборѣ (Schlosz oder Thumb-Kirche), находится алтарь, весь изъ серебра, а также и гробница Св. Станислава и его правая рука, обдѣланная въ золото, къ коимъ относятся съ большимъ уваженіемъ и благоговѣніемъ.—Засимъ, 10 сентября, Императорскій Посоль получилъ отъ Его Величества Короля Польскаго, сильную охрану и паспортъ на проѣздъ чрезъ Мазовію, Литву и Бѣлоруссію, но, тѣмъ не менѣе, онъ подвергался не малой опасности въ сихъ странахъ, какъ по причинѣ бродящихъ повсюду, со времени Шведской войны въ Ливоніи, наемныхъ солдатъ (Kriegsleute) и казаковъ, такъ и потому, что пути сообщенія весьма неустроены (auch Post halber). 14 сентября мы прибыли въ Варшаву, главный городъ Мазовіи; это—тоже красивый, не очень большой городъ. Тамъ есть также прекрасный королевскій замокъ, близъ котораго протекаетъ рѣка Висла, чрезъ которую выстроенъ прекрасный, деревянный мостъ, подобный коему едва ли найдется гдѣ-либо еще. Отсюда мы прибыли 20 сентября въ Гродно,

<sup>1)</sup> Въ 1597 году.

<sup>2)</sup> Т. е. Думному дьяку.

гдѣ Король Стефанъ Баторій выстроилъ прекрасный домъ (Haus) при рѣкѣ Веречѣ <sup>1)</sup> (Weretzsch). Начиная съ этого мѣста, намъ пришлось подвергаться большой опасности, по случаю чумы и оставаться, нѣсколько разъ, въ лѣсу безъ пищи и питія.

27 сентября мы прибыли въ Вильно (Wildow), при чемъ два раза въ пути натыкались на казаковъ (злѣдѣйскій, разбойничій народъ!), которые бросались на насъ съ заряженными ружьями и взведенными курками, но ничего не посмѣли намъ сдѣлать, ибо мы придумали сказать имъ, что мой господинъ—военачальникъ, (ein Hauptmann) посланный въ лагерь къ Великому Канцлеру, а также потому, что имъ показали королевскій пропускъ (Paszbrief), имѣвшійся у моего господина. Вильно—весьма большой городъ и находится отъ Кракова въ 110 миляхъ пути. Въ этомъ городѣ, Вильнѣ, (Vilna) находится важная епископія (Bisthum) и іезуитская коллегія <sup>2)</sup> и король содержитъ тутъ нѣсколько тысячъ татаръ, которые живутъ въ окрестностяхъ города; изъ нихъ онъ нѣкоторое количество отрядилъ къ намъ, дабы мы могли отправиться въ дальнѣйшій путь въ бѣльшей безопасности отъ казаковъ и не задерживаться ими. И такъ, мы отправились отсюда на Москву и прибыли въ городъ, выстроенный весь изъ дерева, называемый Минскомъ (Winszko), принадлежащій также Полякамъ, и коего жители народъ до того злѣдѣйскій, преступный и необузданный, что нельзя и выразить. Тамошній начальникъ или староста (Hauptmann oder Staresta) велѣлъ насъ разспросить, откуда мы и куда направляемся; получивъ въ отвѣтъ отъ моего господина, что онъ Посоль отъ Римскаго Императора къ Великому Князю Московскому, онъ сталъ смѣяться и издѣваться надъ нами, говоря: неужели же Римскій Императоръ не можетъ имѣть другомъ, какого либо инаго, болѣе значительнаго властелина (Potentaten), чѣмъ Москвита (den Moscowiter).

За симъ, 6-го октября, Императорскій Посоль, съ Божьей помощью, благополучно прибылъ въ Оршу (Orsa) и былъ ласково принять здѣсь воеводою, который былъ ему знакомъ и очень хорошо

<sup>1)</sup> Тектандеръ, повидимому, смѣшиваетъ замокъ Стефана Баторія, находившійся при впадеян р. Городничанки въ р. Нѣманъ, съ другимъ древнимъ замкомъ, стоявшимъ при слияніи р. Меречи, (у Тектандера—Веречи) нынѣшней Меречанки, (Виленск. губ., Лидскаго уѣзда), нынѣ уже не существующимъ. Въ настоящее время и отъ замка Ст. Баторія остались лишь развалины стѣны.

<sup>2)</sup> Коллегіумъ, переименованный Ст. Баторіемъ въ 1578 г. въ академію, былъ основанъ іезуитами при поселеніи ихъ въ Вильнѣ въ 1569 году.

обращался съ нимъ въ теченіе 8 дней, пока посылали гонца въ Смоленскъ, первый пограничный городъ Московіи, чтобы объявить московитамъ о нашемъ прибытіи, ибо иначе, безъ предувѣдомленія, весьма опасно переѣзжать границу, да и не пропустили бы никого.

15 октября мы отправились изъ Орши и пріѣхали въ тотъ же день въ деревню, находящуюся въ 7-ми миляхъ, называемую Баево (Baïova), гдѣ ночевали. Отсюда мы рано утромъ, чрезъ лѣсъ, называемый Ватою (?) (Vata) прибыли къ рѣкѣ, отдѣляющей Бѣлоруссію (принадлежащую еще Полякамъ) отъ страны московитовъ, почему это мѣсто и называется русскими „раницею“ или „границею“ (Ranitz oder Granitz). Тутъ къ намъ быстро подѣхалъ московскій всадникъ, съ вопросомъ: это ли посольство отъ Римскаго Императора? Потомъ, получивъ отвѣтъ, онъ слѣзъ съ коня и склонилъ, по обычаю сего народа, голову до земли предъ Посломъ и привѣтствовалъ его, а затѣмъ, попросилъ насъ остановиться и подождать немного, снова сѣлъ на своего коня и быстро скрылся въ лѣсу. Мы прождали такимъ образомъ съ добрый часъ и порядочно озябли, благодаря холодной и ненастной погодѣ, ибо цѣлый день шелъ то снѣгъ, то дождь, и Посолъ не на шутку начиналъ уже сердиться на эту задержку, какъ къ намъ пріѣхали 12 всадниковъ, великолѣпно одѣтыхъ, видимо, знатныхъ особъ. У пяти изъ нихъ, у сѣдельной луки, висѣли небольшіе барабаны <sup>1)</sup>, въ которые они били, остальные же шесть свистали губами (mit dem Mund). Дѣло въ томъ, что у московитовъ почти вошло въ обычай, чтобы дворяне (Edelleute) или вообще лица, извѣстныя своею храбростью или принадлежащія къ рыцарскому сословию, привѣщивали подобные барабаны къ сѣдламъ, когда отправляются въ походъ, чѣмъ они и отличаются отъ простыхъ солдатъ. Они имѣютъ также обыкновеніе, когда спѣшатъ куда либо, громко свистѣть, безъ всякаго орудія, однѣми губами, такъ громко и рѣзко, что ихъ слышно издалека. Этому свисту они научаются съ малолѣтства, чрезъ долгое упражненіе. Приблизившись къ намъ, эти барабанщики (Trommelschläger) проворно соскочили съ лошадей, и самый видный изъ нихъ, довольно пожилой мужчина и, судя по одеждѣ, весьма важная особа, подошелъ къ намъ. Императорскій Посолъ направился ему на встрѣчу, и когда они приблизились на одинъ шагъ разстоянія другъ отъ друга, то московитъ склонилъ свою голову къ землѣ и коснулся земли правою рукою; то-же самое сдѣлали и всѣ другіе и такимъ образомъ привѣтствовали насъ. Потомъ онъ спросилъ, какъ зовутъ

<sup>1)</sup> Накры или тулумбасы.

Императорскаго Посла по имени и узнавъ это отъ толмача, обратился къ намъ съ такими словами: „Панъ Степанъ, многая лѣта Великому Царю всея Русіи Борису Ѳедоровичу, обладателю столь многихъ и столь великихъ народовъ, странъ и царствъ; Его Именемъ Смоленскій воевода послалъ меня просить тебя пожаловать къ намъ“. Таковою рѣчью встрѣтилъ насъ москвитъ. Съ своей стороны, Императорскій Посоль кратко отвѣтилъ ему, что онъ заѣхалъ такъ далеко съ тѣмъ, чтобы съ Божьей помощью, непременно лично предстать предъ самимъ Свѣтлѣйшимъ Великимъ Княземъ. А такъ какъ онъ-де по милости Божьей—это говорилъ г. Посоль—благополучно и въ полномъ здравьи достигъ со всѣми своими спутниками сего мѣста, то онъ согласенъ явиться къ нимъ, и отнынѣ охотно послѣдуетъ, какъ то подобаетъ, за ними, куда бы они его не повели. Онъ де также радъ тому, что засталъ ихъ въ добромъ здоровьи. Затѣмъ онъ спросилъ, здоровы ли Свѣтлѣйшій Великій Князь и Свѣтлѣйшая Великая Княгиня и Свѣтлѣйшая молодежь ихъ (*junge Herrschaft*) и, наконецъ, здоровъ ли воевода? По взаимномъ обмѣнѣ обычныхъ вѣжливостей (съ которыми москвиты чрезвычайно мало знакомы), они сѣли опять на коней, а мы въ наши колымаги (*Kutsche*). Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ, они произвели въ знакъ радости нѣсколько выстрѣловъ изъ своихъ ружей, а мы сдѣлали то же самое и съ нашей стороны, что имъ очень понравилось, какъ они намъ заявили нѣсколько дней спустя чрезъ толмача, такъ какъ это выражало де нашу радость по случаю пріѣзда во владѣнія ихъ Царя (такъ зовутъ они своего князя) (*Fürst*). Слѣдующую за симъ ночь мы провели въ близъ лежащей деревнѣ, гдѣ они, какъ сказано выше, дожидались нашего пріѣзда. Утромъ рано, когда мы захотѣли двинуться дальше, пошелъ такой дождь и вмѣстѣ съ нимъ снѣгъ, какъ рѣдко бываетъ. И не смотря на такую ненастную погоду намъ пришлось ѣхать далѣе, хотя, впрочемъ, начиная съ сего мѣста и вплоть до Москвы, путешествіе крайне затруднительно, даже и въ хорошую погоду, по причинѣ плохаго состоянія дорогъ и гатей<sup>1)</sup>, которыхъ насчитывается болѣе шести сотъ, длиною, въ иныхъ мѣстахъ, болѣе мили, и весьма разстроенныхъ.— За симъ, 19 октября, мы прибыли въ Смоленскъ, отстоящій на двѣ нѣмецкихъ мили отъ лѣса Вата (*Vata*) или Границы, гдѣ насъ встрѣчали, и представляющій собою большой, широко раскинувшійся городъ, выстроенный изъ дерева. Онъ лишь шесть лѣтъ, какъ окруженъ

<sup>1)</sup> Въ подлинникѣ собственно сказано „мостовъ“, (*Brücken*), но, вѣроятно, Тектандеръ разумѣетъ здѣсь гати, мощенныя бревнами.

каменную стѣною, весьма богатъ жителями (volkreich) и лежитъ на рѣкѣ Днѣпрѣ (Neper) или Борисоенѣ, которая дѣлитъ городъ на двѣ части. Оня нѣкогда принадлежалъ коронѣ польской, и уступленъ москвитамъ во времена польскаго короля Стефана Баторія, дабы упрочить миръ между полягами и москвитами. Здѣсь намъ пришлось ждать три дня, пока мѣстный воевода, князь Никита Романовичъ Трубецкой, пожилой уже человекъ и, какъ говорятъ, главный совѣтникъ Великаго Князя (des Groszfürsten vornembster Rath) не распорядился о присылкѣ намъ разныхъ вещей, необходимыхъ для дальнѣйшаго путешествія, какъ то: повозокъ (Wagen) и лошадей. Недалеко отъ сего города насъ опять встрѣтило съ выстрѣлами большое количество знатныхъ дворянъ, изъ коихъ многіе были верхомъ, и проводили насъ до города. Никто изъ нихъ, кромѣ двухъ охранителей или надзирателей (curatores vel provisores), называемыхъ ими приставами (Pristauen), и коимъ мы были препоручены, не смѣлъ молвить слова съ нами. Этотъ обычай былъ замѣчаемъ нами и другими, раньше насъ, повсюду, во всей московской странѣ, и москвиты придерживаются сего такъ крѣпко, точно это—законъ, что никто не смѣетъ разговаривать съ посломъ. Причиною сему, можетъ быть, служить опасеніе умалить достоинство Великаго Князя, если кто другой станетъ говорить съ посланными къ нему, или они не считаютъ народъ способнымъ разговаривать приличнымъ образомъ съ ними, или, наконецъ потому, что они боятся, что если посоль станеть разговаривать со многими, то откроются, и стануть извѣстными многія ихъ тайны. Императорскій Посоль неоднократно выражалъ свой гнѣвъ по поводу сего промедленія, и настойчиво требовалъ у воеводы чрезъ охранителя (curator), скорѣйшаго отправленія. 21 октября, наконецъ, намъ прислали на нашу квартиру (Losament) шесть повозокъ; одну исключительно, для одного г-на Посла, въ остальныхъ же поѣхали мы, по двое въ каждой, съ нашими вещами. Въ повозку г-на Посла было запряжено двѣ лошади, въ остальные же—по одной, согласно ихъ обычаю.

При отъѣздѣ нашемъ изъ Смоленска, къ намъ отрядили двухъ приставовъ съ нѣсколькими другими лицами, которые должны были намъ прислуживать и доставлять все нужное въ дорогѣ. Наши повозки были также наполнены разнаго рода припасами, какъ-то: пивомъ, медомъ, водкой, хлѣбомъ, мясомъ и рыбою. Эти провожатые долго водили насъ зря по разнымъ мѣстамъ, дабы мы не скоро прибыли въ Москву. По моему мнѣнію, они дѣлали это, опасаясь чумы, ибо мы ѣхали изъ мѣстъ, гдѣ она свирѣпствовала. Они же лживо

(ибо сей народъ отъ природы склоненъ ко лжи, обману и всякаго рода порокамъ) увѣряли Посла, что имъ такъ повелѣно отъ Великаго Князя, дабы не очень тревожить господина Посла и не слишкомъ утомлять его путешествіемъ, хотя мы совершенно свободно дѣлаемъ по 7 миль въ день, а тутъ дѣлали не болѣе трехъ или четырехъ. Господинъ Посоль ясно понималъ, что это—однѣ пустыя отговорки ихъ, но, тѣмъ не менѣе; долженъ былъ удовольствоваться ими и предоставить имъ дѣйствовать, по ихъ волѣ. Путь отсюда и до Москвы весь весьма ровенъ, но, на каждомъ шагу, встрѣчаются гати, глубокія болота, камыши, и, весьма часто, лѣса, а также и большія озера, на половину замерзшія, однако не на столько, чтобы по нимъ можно было ѣздить.—Слѣдующею ночью мы прибыли къ монастырю Бернардинскаго <sup>1)</sup> ордена, въ которомъ монахи—московиты, и провели у нихъ ночь, при чемъ случилось, что, такъ какъ монахи, въ это время пѣли вечернія молитвы (Nogas) въ церкви, (которыя они обыкновенно строятъ вышиною въ нѣсколько этажей) то Императорскій Посоль отправился за просто, наверхъ въ церковь, помолиться, полагая, что туда можетъ входить всякъ, кто хочетъ, какъ это дѣлается у насъ. Но монахи, замѣтивъ его, посмотрѣли на него довольно косо и одинъ изъ нихъ, по окончаніи службы, подошелъ къ нему, чтобы узнать чрезъ толмача, за какимъ де онъ дѣломъ находится въ церкви, и кто ему приказалъ или позволилъ войти въ это святое мѣсто; при семъ случаѣ онъ также спросилъ, есть-ли на немъ крестъ и христіанинъ-ли онъ? Императорскій Посоль велѣлъ ему отвѣтить, что онъ твердо былъ убѣжденъ, что церковь открыта всемъ для молитвы, и что онъ постоянно носить въ сердцѣ крестъ, хотя и не сдѣланный изъ какого либо земнаго вещества, но духовный. А чтобы монахъ видѣлъ, что онъ христіанинъ, то онъ показалъ ему золотой крестъ, который онъ обыкновенно всегда носилъ на шеѣ. Увидѣвъ это, монахъ совершенно удовлетворился, поцѣловалъ крестъ, попросилъ у Посла милостыни и удалился во-свояси.

На четвертый, послѣ сего, день мы прибыли къ первому городу въ Московіи, называемому Дорогобужемъ (Doragobusa), гдѣ имѣется деревянное укрѣпленіе (Blockhaus), а затѣмъ къ другому городку, по имени, Царево-Займище (Corvo-Saymisia); третій, куда насъ привезли 27 октября, былъ немного лучше, нежели прежніе два, и назывался Боровскомъ (Borissowa). Во время всего путешествія намъ нигдѣ, ни разу, не отводили квартиры въ самомъ городѣ, но всегда, въ пред-

<sup>1)</sup> Тектандеръ смѣшиваетъ здѣсь Бернарда съ св. Василиемъ Великимъ.

мѣстъ и, ни подѣ какимъ видомъ, не дозволяли выходить куда-либо, или осматривать что либо, внѣ нашего помѣщенія.

Засимъ, 29 октября, мы прибыли въ Можайскъ, городъ довольно большой, именуемый москвитами городомъ св. Николая, ибо этотъ святой считается покровителемъ сего города и пользуется въ немъ большимъ уваженіемъ. Въ его церкви совершается, говорятъ, много чудесъ, вслѣдствіе чего сюда стекается много богомольцевъ изъ сосѣднихъ мѣстностей. Здѣсь намъ пришлось пробыть, противъ нашего желанія, шесть дней, ибо Великій Князь уже зналъ, что въ Литвѣ, чрезъ которую мы проѣзжали, господствовала чума, и кромѣ того, изъ письма господина Посла къ Канцлеру изъ Орши, что онъ ѣдетъ въ Персію, и что Императорскій Посланникъ <sup>1)</sup> къ Московскому Государю находится уже въ пути. На третій день нашего пребыванія въ семь мѣстъ, главный изъ нашихъ проводниковъ (Wegführern), яко бы по приказанію Великаго Князя, предложилъ господину Послу разные вопросы: во-первыхъ, чрезъ какіе города мы проѣзжали во время нашего путешествія? Господинъ Посоль разсказалъ подробно, ничего не скрывая, и это, вѣроятно, и послужило поводомъ къ нашему задержанію, ибо было извѣстно, что нѣкоторые изъ названныхъ городовъ, были заражены чумою. Во вторыхъ, онъ его спросилъ: скоро-ли прибудетъ другой Императорскій Посоль и какая, точно, главная цѣль его посольства? Везетъ ли онъ съ собою дары, и сколько?—Господинъ посоль отвѣчалъ ему на это, что Императорскій Посоль прибудетъ скоро, но что онъ не знаетъ, что ему поручено, ибо это нисколько не касается его настоящаго посольства, но что онъ, впрочемъ, слышалъ, что это посольство не что иное, какъ знакъ почтенія и расположенія: ибо такъ какъ Великій Князь, въ теченіе сихъ послѣднихъ годовъ, неоднократно посылалъ пословъ къ Его Императорскому Величеству, то и Его Величество, по чувству, всемилостивѣйше имъ питаемой любви ко всѣмъ христіанскимъ государямъ, захотѣлъ выказать оную чрезъ посольство и Великому Князю. Что же касается третьяго пункта, то—сказалъ онъ <sup>2)</sup>—не трудно догадаться, что столь знатное посольство, отъ Римскаго Императора, не явится безъ даровъ и приношеній (Geschenck und Praesent), но что онъ, Посоль, счелъ за неприличное разспрашивать подробно о семь. Москвитъ далеко не удовлетворился этими краткими отвѣтами и на слѣдующій день возобновилъ свои разспросы; особенно старательно доискивался

<sup>1)</sup> Генрихъ фонъ Логау.

<sup>2)</sup> Т. е. посоль.

онъ, какіе подарки привезетъ Посолъ? Вслѣдствіе сего господинъ Посолъ не могъ достаточно надивиться ихъ неразумію и тому, что они не умѣли скрыть своей алчности и пристрастія къ подаркамъ.

Мы пробыли довольно долго въ этомъ мѣстѣ. 5 ноября явился снова гонецъ обратно изъ Москвы отъ Великаго Князя и велѣлъ намъ двигаться дальше. Мы тронулись въ путь 6-го сего мѣсяца по направленію къ Москвѣ, отстоящей еще въ 17 миляхъ отъ вышеназваннаго мѣста, и въ тотъ же день, прибыли къ городку, по имени Вяземы <sup>1)</sup> (Visova), гдѣ выстроенъ прекрасный, каменный замокъ и мѣстоположеніе котораго особенно красиво и пріятно. До вступленія на престолъ теперешняго Великаго Князя, Бориса Ѳеодоровича, этотъ городъ, принадлежащій ему, былъ мѣстомъ его постоянного жительства. Сей князь, хотя и не царскаго роду, но происходитъ все же изъ знатныхъ дворянъ и избранъ въ Великіе Князья, благодаря своему большому уму и своей ловкости и хитрости, отчасти же и потому, что судьба ему благопріятствовала, а главнымъ образомъ по слѣдующимъ причинамъ: онъ женился <sup>2)</sup> на сестрѣ Ѳеодора Ивановича, сына своего предшественника (seines antecessoris... Sohn schwester) Ивана Васильевича, великаго тирана. Сей государь (Ѳеодоръ Ивановичъ по имени) былъ недалекаго ума (einfältig) и набоженъ; онъ поставилъ его (Бориса) впослѣдствіи правителемъ всего государства, поручилъ ему всѣ дѣла и былъ, какъ говорятъ, отравленъ имъ. Изъ его братьевъ, коихъ было два, старшій, по имени Иванъ, былъ убитъ своимъ отцемъ, посохомъ въ 1581 году, младшій же, Димитрій, отправленъ въ ссылку (exilium) или даже умерщвленъ. Такимъ образомъ, былъ избранъ нынѣ правящій (dieser jetzt regierender) въ Великіе Князья, ибо народъ былъ къ нему расположенъ.

Засимъ мы 9-го ноября, съ Божьей помощью, около 2-хъ часовъ по-полудни, благополучно прибыли въ Москву. Въ одной милѣ отъ нея мы были встрѣчены большою толпою знатныхъ московитовъ, которые провели насъ до нашей квартиры, гдѣ все было великолѣпно устроено и прибрано, и откуда намъ, ни подъ какимъ видомъ, не позволяли выходить куда-либо, ни осматривать городъ вообще, но держали подъ карауломъ. Все же, что намъ было нужно купить, или

<sup>1)</sup> Московской губ. Звенигородскаго уѣзда. По смерти Годунова, Вяземы перешли въ дворцовое вѣдомство, а въ 1694 году, Петръ Великій пожаловалъ ихъ кн. Голицыну.

<sup>2)</sup> Тектандеръ ошибается: царь Ѳеодоръ Іоанновичъ былъ женатъ, какъ извѣстно, на сестрѣ Годунова—Иринѣ.



что вообще нами требовалось, все это приносилось къ намъ на квартиру. Что касается пищи и питія, то ежедневно, приставленные къ намъ, люди приносили намъ въ изобилии отъ Великаго Князя, медъ, пиво, водку, мясо, хлѣбъ, масло, яйца, куръ и другіе необходимые припасы, и мы жили ничего не платя, на полномъ содержаніи (gantz kostfrey) такъ, что не нуждались ни въ чемъ.

27 ноября, господинъ мой, Императорскій Посолъ былъ милостиво принятъ Великимъ Княземъ Борисомъ Ѳеодоровичемъ. Рано утромъ, къ нему на квартиру привели девять прекрасныхъ коней, отлично убранныхъ и, между ними, одного подъ великолѣпною попоною изъ краснаго бархата, шитою золотомъ, съ сбруей, выложенной серебромъ и украшенной драгоцѣнными камнями. Остальные, на которыхъ поѣхали мы, были также красиво убраны, хотя и не въ такой степени. Два часа приблизительно спустя, за нами явился нашъ охранитель <sup>1)</sup> (provisor), человекъ пожилой, знатнаго рода и занимающій важную должность, великолѣпно одѣтый, въ сопровожденіи нѣсколькихъ знатныхъ московитовъ, оставшихся дожидаться насъ во дворѣ и также прекрасно одѣтыхъ, на разубранныхъ лошадяхъ. Они проводили насъ до великокняжескаго дворца (palatium), украшеннаго настѣнными коврами (Tapeten) и великолѣпными картинами (Gemälden); съ правой стороны, на высокомъ поставцѣ (Credentzisch), стояла золотая и серебряная посуда въ такомъ количествѣ и такихъ размѣровъ, что нельзя и разсказать (dasz nicht davon zu sagen ist). При въѣздѣ нашемъ звонили въ большой колоколъ, находящійся въ срединѣ двора и повѣшенный очень низко, не болѣе чѣмъ на 15 локтей (Ellen), надъ землею. По обѣимъ сторонамъ, начиная отъ нашей квартиры и вплоть до дворца, стояли мушкетеры съ заряженными мушкетами. Когда мы всѣ вмѣстѣ вошли въ комнату, назначенную для приѣма, то оказалось, что тронъ стоялъ прямо противъ входа, посреди комнаты, возвышаясь на четыре ступени, а рядомъ съ нимъ, по лѣвую сторону, находилось еще другое, украшенное кресло. Великій Князь съ сыномъ сидѣли на нихъ. Его Величество былъ въ золотомъ вѣнцѣ и золотой парчевой одеждѣ, доходящей до ногъ, и держалъ въ рукѣ жезлъ чернаго дерева (Stab), окованный червоннымъ золотомъ, похожій на чеканъ <sup>2)</sup> (gleichsam einem Tzackan), а сынъ

<sup>1)</sup> Тектандеръ такъ называется пристава.

<sup>2)</sup> Можно, пожалуй, съ нѣкоторою натяжкою, это мѣсто понять еще такъ: „Великій Князь держалъ въ рукѣ жезлъ такъ, какъ держатъ чеканъ“, но отнюдь нельзя сказать, что „Великій Князь держалъ въ рукахъ черную палицу, окованную золотомъ, а равно и чеканъ“, какъ это сказано въ русскомъ переводѣ соч. Аделунга (ч. II, стр. 79).

его въ крапчатомъ (sprencklichten) платьѣ, какъ будто бы одѣтый въ рысью кожу. По обѣимъ сторонамъ трона стояло по два гайдука (Heyducken) съ сѣкирами, въ бѣломъ платьѣ, а кругомъ сидѣли знатнѣйшіе совѣтники (vornehmsten Rätthe), всѣ великолѣпно одѣтые и въ черныхъ лисьихъ шапкахъ. Когда Посоль отдалъ обычный поклонъ Великому Князю и вручилъ ему Императорскую вѣрющую грамоту и кончилъ свою рѣчь, то Великій Князь всталъ и спросилъ: „какъ поживаетъ Могущественнѣйшій Императоръ Римскій Рудольфъ и достохвальные господа братья его (löblichen Herren Brüder); въ добромъ ли они, все, здоровы.“ На что Посоль отвѣчалъ, что Его Императорское Величество, исполнивъ, Слава Богу, здоровъ. О томъ же самомъ спросилъ и молодой Князь, и затѣмъ, насъ отпустили, причѣмъ, опять, прежнимъ же порядкомъ, проводили до нашей квартиры. Не много времени, меньше часа, спустя, болѣе ста человекъ явилось къ намъ съ разнаго рода кушаньями и напитками со стола Великаго Князя и преподнесли ихъ намъ отъ его имени; и послѣ сего, все время, насъ кормили очень хорошо. Послѣ сего приѣма намъ пришлось пробыть здѣсь, еще четыре недѣли, ибо мой господинъ готовился къ предстоящему путешествію въ Персію, дѣлалъ намъ одежды, и принялъ къ себѣ на службу еще трехъ служителей, изъ которыхъ одинъ былъ органистъ, имѣющій собственный инструментъ <sup>1)</sup>, (Regal) который я, по смерти моего господина и самаго органиста, поднесъ съ 7-ю сороками (Zimmer) соборей и нѣсколькими другими вещами Шаху Персидскому, такъ какъ ему уже сказали объ нихъ, хотя, согласно приказанію моего господина и нуждаясь въ припасахъ, я охотно бы продалъ ихъ, но мой охранитель (provisor) <sup>2)</sup> отсовѣтовалъ мнѣ это. Органъ чрезвычайно понравился Шаху, хотя онъ игралъ на немъ безъ всякаго умѣнья, и теперешній посоль <sup>3)</sup> Вашего Величества несомнѣнно будетъ мнѣ за это благодаренъ.

---

<sup>1)</sup> Въ французскомъ переводѣ г. Шефера объяснено, что „Regal“—инструментъ въ родѣ нынѣшняго ксилофона (т.-е. рядъ деревянныхъ, тоненькихъ пластинокъ, укрѣпленныхъ на металлической рамѣ и издающихъ звукъ, когда по нимъ ударяютъ молоточкомъ). Это—новѣрно; на нѣмецкомъ языкѣ „Regal“ обозначаетъ небольшой органъ, отличающійся отъ прочихъ видовъ сего инструмента (Orgel, Portativ, Positiv и т. д.) лишь тѣмъ, что онъ невеликъ и имѣетъ лишь одинъ голосъ (регистръ).

<sup>2)</sup> См. стр. 16 примѣч. 1.

<sup>3)</sup> См. стр. 14 примѣч. 1.

Что же, впрочемъ, касается города Москвы, то онъ очень великъ и чрезвычайно многолюденъ; въ немъ могутъ умѣститься, какъ намъ сообщали, до 5000000 человекъ, и его почти нельзя сравнить ни съ какимъ нѣмецкимъ городомъ. Онъ имѣетъ въ окружности четыре нѣмецкихъ мили и состоитъ изъ трехъ частей: первая окружена прочною деревянною стѣною съ укрѣпленіями, вышиною до 15 локтей, и рѣка Москва, отъ которой и городъ получилъ свое названіе, дѣлитъ ее, въ двухъ мѣстахъ, на двѣ части. Вторая, средній городъ, имѣетъ довольно крѣпкую каменную стѣну; третью составляетъ королевскій замокъ (Königliche Schlosz), стоящій въ самомъ центрѣ и окруженный особою стѣною и глубокимъ водянымъ ровомъ. Въ этомъ городѣ находится 1500 церквей и монастырей, въ томъ числѣ два великолѣпныхъ храма при королевскомъ замкѣ, въ которыхъ съ издревле хоронятся московскіе Великіе Князья, съ 7-ю башнями и прекрасными, густо позолоченными куполами, стоящими нѣсколько тоннъ золота <sup>1)</sup> и великолѣпными, большими колоколами, изъ которыхъ одинъ далеко превосходитъ, по величинѣ и звуку, тотъ, что находится въ Ерфуртѣ. На площади, у воротъ замка, стоятъ двѣ громадныя пушки, въ которыхъ легко можно помѣститься человеку. Дома же и постройки всѣ (Häuser und Gebäude) вообще, большею частью деревянные и безобразны (unformirlich) и стоятъ не въ рядъ, какъ у насъ; комнаты обыкновенно снабжены печами безъ трубъ (Rauchofen) и въ окнахъ нѣтъ стеколъ.

Что касается, далѣе, устройства поверхности и качества почвы сей страны, Московіи, то большая часть ея представляетъ дикую пустыню, покрытую кустарникомъ и топкими болотами съ гатями <sup>2)</sup>. Она до того строго охраняется, что проникнуть въ нее или убѣжать изъ нея тайно, безъ Великокняжескаго пропуска или паспорта, невозможно. Зимой тамъ страшно холодно, и выпадаетъ глубокой снѣгъ. Плодовъ всякаго рода и винограда тамъ очень мало, кромѣ яблокъ въ городѣ Москвѣ, разведенныхъ тамъ однимъ нѣмцемъ, но и тѣ довольно рѣдки. Хлѣба—ячменя, овса и пшеницы, у нихъ иногда бываетъ въ изобиліи; если же онъ какъ-нибудь не родится, то для Москововъ (Moscis) наступаетъ такой голодъ, какой случился при насъ, что многія тысячи людей въ городѣ и окрестностяхъ Москвы умерли отъ голода <sup>3)</sup>. Почти

<sup>1)</sup> Тонна=2000 фунтовъ.

<sup>2)</sup> См. стр. 11. примѣч. 1.

<sup>3)</sup> Любопытныя подробности о голодѣ 1602 года напечатаны въ „Сборникѣ матеріаловъ по русской исторіи начала XVII вѣка“ гг. Болдакова и Щепкина, стр. 46 и слѣд.

невѣроятно, но намъ доподлинно извѣстно, что печенія (Kuchen), называемыя у нихъ пирогами, приготовляемыя приблизительно такъ же какъ у насъ пфанкухены (Pannkuchen) и которыя обыкновенно начинаются разнаго рода мясомъ, неоднократно продавались въ городѣ у булочниковъ съ человѣческимъ мясомъ; что они похищали трупы, рубили ихъ на куски и пожирали. Когда это обнаружилось, то многіе изъ нихъ подверглись судебному наказанію за это. Другіе ѣли, хотя этому почти нельзя вѣрить, но это дѣйствительно было такъ, съ большаго голода, нечистыхъ животныхъ—собакъ и кошекъ. Въ деревняхъ также никто не былъ въ безопасности<sup>1)</sup>; мы сами, по дорогѣ, видѣли много прекрасныхъ селъ, совершенно обезлюденныхъ, а кто не умеръ голодной смертью, тѣ были убиваемы разбойниками. Объ этомъ можно было бы написать еще очень много. Вообще же эта страна велика и пространна; она тянется вмѣстѣ съ землями Татаръ, Черемисовъ и Ногайцевъ, которыхъ московиты отчасти подчинили себѣ, почти на 550 нѣмецкихъ миль въ длину, до Каспійскаго или Гирканскаго моря, а въ ширину до горъ Гордійскихъ, но мало воздѣлывается, и городовъ въ ней немного; большей частью все это—пустыня, такъ что на разстояніи 20 или 30, а у Ногайцевъ даже и 300 миль, не встрѣтишь ни одного города или села, кромѣ трехъ пограничныхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ московитами въ ногайской землѣ при рѣкѣ Волгѣ для отраженія Татаръ, о чемъ будетъ сказано ниже.

Относительно вѣроисповѣданія и богослуженія московитовъ, я скажу, что, насколько мнѣ удалось узнать о семъ, они считаютъ себя и тѣхъ, кто придерживается съ ними одной вѣры, самыми настоящими и лучшими христіанами; насъ же они не признаютъ вовсе за христіанъ, а называютъ прямо *погаными* (paganos) т. е. язычниками. А между тѣмъ, они такіе сластолюбцы, безбожники, обманщики и лжецы, что нельзя и описать, въ чемъ мы достаточно убѣдились, проживъ среди нихъ полгода. На мой взглядъ, едва-ли найдется гдѣ, въ свѣтѣ, другая страна, гдѣ бы господствовалъ такой развратъ и безстыдство. Насколько я могъ замѣтить, они ни во что не ставятъ десять заповѣдей и слегка наказываютъ нарушающихъ ихъ. Убійца, или другой какой преступникъ, наказывается за свое злодѣяніе заключеніемъ въ тюрьму на два, или на три года. Отбывъ это наказаніе, онъ становится еще худшимъ, нежели былъ раньше. Большая часть народа находится въ полной крѣпостной зависимости, и если кто-либо изъ нихъ подниметъ руку на своего господина или вообще

<sup>1)</sup> Подразумѣвается: „отъ голодающихъ“.

какъ-нибудь провинится передъ нимъ, то тотъ имѣеть право убить его или поступить съ нимъ по желанію. Они называютъ себя Павліананами (Paulinern) и исповѣдуютъ греческую вѣру въ извращенномъ видѣ (Graecam fidem corruptam). Они строятъ свои храмы и церкви (Templa und Kirchen) преимущественно въ вышину, какъ я раньше уже указывалъ, и почти, на турецкій ладъ (auf die türckische Art) съ пятью или тремя круглымъ башнями, (Thürmen) съ большими, тройными (dreifache) крестами на нихъ, намекая симъ на Пресв. Троицу. Проходя мимо какой-либо церкви, они крестятся или ударяютъ себя по головѣ, наклоняя ее. Колокола у нихъ въ большомъ употребленіи, но они звонятъ въ нихъ совсѣмъ иначе, нежели это дѣлается у насъ, а именно, ударяя языкомъ колокола то въ одинъ бокъ его, то въ другой. Въ церквахъ у нихъ нѣтъ ни лавокъ, ни стульевъ, а только наверху, кругомъ всей церкви, снаружи, идетъ крытый ходъ; сама же церковь снабжена многими маленькими и узенькими оконцами (Fensterlein). Народъ стоитъ передъ дверями церкви, или заглядываетъ извнѣ въ эти оконца, крестится и, такимъ образомъ, они молятся. Люди побогаче покупаютъ для церкви собственныя изображенія <sup>1)</sup>, украшаютъ ее этими расписанными дощечками, прилѣпляютъ къ нимъ свѣчи и, зажигая сіи послѣднія, нерѣдко зажигаютъ и всю свою усадьбу <sup>2)</sup> (Haus und Hof). Каждый домохозяинъ—будь онъ бѣденъ или богатъ—имѣеть также у себя въ домѣ своего особаго святаго <sup>3)</sup>, нарисованнаго на доскѣ и висящаго сзади стола, либо св. Николая, либо Василія, либо четырехъ Архангеловъ, либо еще когонибудь, такъ какъ они поклоняются безчисленному количеству святыхъ. Когда эти изображенія освящены, то они почитаются какъ бы живыми существами. Такимъ образомъ, каждый можетъ купить себѣ своего особаго бога; на рынкѣ ихъ продаютъ въ большомъ количествѣ. У нихъ существуетъ обычай, войдя въ комнату, прежде чѣмъ поздороваться, трижды перекреститься, наклоняя при этомъ голову и произнося слѣдующія слова: Господи, помилуй меня грѣшнаго (Hospodi promilui mne grechni). Въ этомъ заключается вся ихъ молитва

<sup>1)</sup> Въ подлинникѣ собственно „идоловъ“ (Götzen), т.-е. образа тѣхъ святыхъ, имена коихъ они носятъ. Г. Шеферъ переводитъ это мѣсто невѣрно, именно: „богатые люди покупаютъ въ церкви образа, которые они украшаютъ, окружая ихъ раскрашенными дощечками и свѣчами“.

<sup>2)</sup> 1-го декабря 1602 года, когда мы были въ Москвѣ, отъ такихъ восковыхъ свѣчей и дощечекъ сгорѣло болѣе ста домовъ. *Примѣчаніе Тектандера.*

<sup>3)</sup> Въ подлинникѣ собственно „кумира“ (Abgott).

и, вообще, они плохо умѣютъ молиться. Если изъ упомянутыхъ изображеній, какое либо упадетъ со стѣны, то никто не смѣетъ поднять его, но священникъ долженъ поднять и снова освятить его. Это намъ показалось весьма страннымъ, равнымъ образомъ и то, что мы неоднократно испытали, именно, что намъ не позволяли трогать этихъ иконъ, когда видѣли, что мы хотимъ сдѣлать это, говоря, что это—большой грѣхъ. Они также не признаютъ христіаниномъ того, у кого нѣтъ на шеѣ серебрянаго, золотого, или, если человѣкъ бѣденъ, мѣднаго креста, на которомъ вырѣзано нѣсколько словъ на московскомъ нарѣчьи.

Ихъ священники не получаютъ никакого образованія, какъ и вообще науки у нихъ не распространены, какъ у насъ. Они—грубые, необразованные люди и утверждаютъ, что если у насъ, Нѣмцевъ, существуетъ столь много религіозныхъ сектъ и идолопоклонство (Abgöttere) то это именно благодаря наукамъ. Кто умѣетъ читать и писать, тотъ считается у нихъ вполне годнымъ, чтобы быть священникомъ или свѣтскимъ чиновникомъ. Проповѣди у нихъ нѣтъ, и они лишь поютъ и бормочатъ скороговоркою наизусть (plappern), не понимая смысла, псалмы Давида въ искаженномъ видѣ на своемъ нарѣчьи и иные московскіе канты (Gesänge). Священники посвящаются не иначе, какъ по вступленіи въ законный бракъ, согласно словамъ Апостола Павла: „Подобаетъ убо Епископу быти мужу единыя жены“<sup>1)</sup>. Не вѣрно толкуя значеніе сихъ словъ, они не дозволяютъ священнику вступать во второй бракъ, а свѣтскимъ людямъ въ третій. Священникъ, по смерти жены, долженъ поступить въ монастырь и тамъ поститься и молиться о благополучіи Великаго Князя и всей страны до конца дней своихъ, но одному Богу извѣстно, какимъ образомъ большинство изъ нихъ исполняетъ это. Съ другой стороны бываетъ, что люди простаго или инаго какого званія, если они небожны, уходятъ въ монастырь, когда имъ угрожаетъ тюрьма за долги или они не захотятъ долѣе состоять въ бракѣ съ женою, и освобождаются совершенно отъ всего. Мало того, подобный поступокъ еще восхваляется, какъ святое дѣло: онъ, де, все оставилъ ради Христа. Мы могли бы еще привести много подобныхъ пустыхъ отговорокъ по сему случаю.—И такъ, они освобождаются отъ всего и никто уже болѣе не властенъ надъ ними. Они должны лишь оставаться на всю жизнь въ этомъ званіи и обязаны съ той поры совершенно отказаться отъ употребленія мяса, и жить согласно съ прочими монастырскими

<sup>1)</sup> Посланіе къ Тимоою, 3, 2.

правилами и обычаями (въ этомъ заключается главнымъ образомъ ихъ святость; въ прочемъ они живутъ, какъ имъ заблагоразсудится). Нарушить эти правила считается смертнымъ грѣхомъ, и другіе монахи жестоко наказываютъ виновнаго розгами. Строго соблюдаетъ посты и простой народъ, который даже за большія деньги не согласится ѣсть мяса, масла и творога, въ среду или пятницу, даже въ томъ случаѣ, думаю, если этимъ можно было бы спасти жизнь чело-вѣку. Помянутыхъ священниковъ можно отличить отъ прочихъ мірянъ и узнать лишь по ихъ головному убору и длиннымъ волосамъ, кото-рыхъ они не имѣютъ права стричь послѣ своего посвященія, но должны отпускать очень длинными, а также и по ихъ посохамъ, ко-торые они всегда берутъ съ собою, куда бы они не шли, и которые служатъ имъ единственнымъ орудіемъ защиты. Они имѣютъ своего особаго Палу (Pabst), въ Москвѣ, котораго они называютъ Патріар-хомъ и котораго москвиты почитаютъ какъ Бога и держатъ въ стро-гомъ заключеніи (gar eingesperret halten). Его можно видѣть лишь три раза въ годъ въ извѣстномъ мѣстѣ, гдѣ онъ служитъ обѣдню въ главные праздники. Въ эти дни бываетъ такое стеченіе народа, что нельзя и разсказать, и всякъ, кто его увидитъ, твердо убѣжденъ, что теперь ему отпущены всѣ его грѣхи за этотъ годъ. Они имѣютъ также, въ разныхъ мѣстахъ, четырехъ митрополитовъ, въ честь че-тырехъ Евангелистовъ, а также и епископовъ своихъ, архіеписко-повъ, монахинь и много другаго духовенства. Что касается кре-щенія дѣтей, то они крестятъ ихъ не въ церквахъ, а въ проточной водѣ (im fließendem Wasser), причемъ они приводятъ въ примѣръ Христа, что онъ былъ крещенъ Іоанномъ въ Іорданѣ. Послѣ кре-щенія, священникъ мажетъ ребенка муромъ, точно также, какъ и у папистовъ, а крестный отецъ даритъ ребенку, вмѣсто обычнаго де-нежнаго подарка (Pathengeld), смотря по состоянію, серебряный, золотой, или мѣдный крестъ, которые продаются совсѣмъ готовые на рынкѣ, и поздравляетъ при семъ ребенка съ крещеніемъ и при-нятіемъ христіанства; крестъ этотъ ребенокъ, какъ мы уже упоми-нали выше, долженъ всю свою жизнь носить постоянно на шеѣ. А такъ какъ мы не носимъ крестовъ, то они и считаютъ, что мы не получили настоящаго крещенія. Они не позволяютъ также никому изъ нашихъ жениться на комъ нибудь изъ нихъ, развѣ что онъ вто-рично подвергнется крещенію и приметъ участіе въ ихъ кривляньяхъ и служеніи идоламъ (Gauckeley und Götzendienst). При бракахъ и свадьбахъ они придерживаются слѣдующихъ порядковъ: они не поз-воляютъ молодому чело-вѣку подойти къ молодой дѣвицѣ, бесѣдовать

съ нею, ухаживать за нею, или веселиться съ нею гдѣ либо на пиру,—нѣтъ, бракъ устраивается исключительно родителями или близкими пріятелями <sup>1)</sup>. Жениху дозволяется видѣть невѣсту лишь послѣ того, какъ онъ крѣпко обяжется уплатить извѣстную сумму денегъ въ случаѣ, если бракъ не состоится. Дѣти обязаны подчиняться выбору родителей. Когда женихъ достаточно крѣпко обяжется, то невѣсту приводятъ къ нему и вручаютъ ее ему, въ присутствіи родныхъ съ его стороны и со стороны невѣсты, хотя бы она ему и не нравилась. Затѣмъ невѣсту всю покрываютъ шелковымъ платкомъ, и двѣ женщины изъ наиболѣе близкихъ друзей ведутъ ее въ церковь, гдѣ священникъ вѣнчаетъ ихъ. Часто вѣнчаютъ дѣтей (особенно у богатыхъ людей) весьма рано, 9-ти или 10-ти лѣтъ, и, весьма рѣдко, двадцати лѣтъ или болѣе, какъ у насъ. Это весьма странно, ибо такіе дѣти не могутъ вполнѣ понимать значеніе брака и онъ обращается въ игру. Богатые и знатные люди держатъ своихъ женъ взаперти въ особыхъ комнатахъ, откуда имъ рѣдко дозволяется выходить. Если кто придетъ къ мужу, то жена не смѣетъ показаться ему, хотя бы то былъ родной братъ мужа; еще менѣе смѣетъ она вступить въ разговоръ съ чужимъ человѣкомъ. Онѣ содержатся въ заключеніи, точно птицы въ клѣткѣ.

Своихъ покойниковъ они хоронятъ съ многими обрядами, громкимъ воемъ и плачемъ, для чего они употребляютъ малыхъ ребятъ-шекъ (kleine Vuben), которые бѣгутъ за покойникомъ, и чѣмъ громче и больше они кричатъ, тѣмъ пышнѣе и почетнѣе считаются у нихъ похороны.

Что же касается далѣе ихъ нравовъ и обычаевъ, то въ ѣдѣ и питьѣ они подобны скотамъ, грубы и неприличны, ѣдятъ обыкновенно безъ тарелокъ и ножей, хватаютъ кушанья прямо руками. Для питья они употребляютъ болѣею частью медъ и водку. Они—крайне коварны и корыстолюбивы, хотя, не смотря на то, считаютъ себя самыми настоящими христіанами и не терпятъ того, чтобы имъ предпочли какой либо другой народъ.

Пробывъ въ Москвѣ около четырехъ недѣль, мы 7-го декабря (послѣ того какъ намъ вторично, какъ и въ первый разъ, прислали отъ имени Великаго Князя сто человѣкъ съ яствами и питіями всякого рода) отправились дальше на Казань, главный городъ Черемис-

<sup>1)</sup> Женщины у московитовъ имѣютъ свои особыя собранія, на которыя никто изъ мужчинъ не допускается; у нихъ считается также большимъ срамомъ, если молодой человѣкъ заговорить съ молодою дѣвицею. *Примѣчаніе Тектандера.*



скихъ Татаръ, отстоящій отъ Москвы на 200 нѣмецкихъ миль, что составляетъ 1000 московскихъ верстъ, или итальянскихъ миль, и прибыли сперва въ городъ, называемый Владиміромъ (Wladimir). Этотъ городъ довольно великъ, и Московы (Mosci) считаютъ его однимъ изъ древнѣйшихъ и главнѣйшихъ городовъ въ ихъ странѣ. По ихъ словамъ, онъ получилъ свое названіе отъ царя (König) Владиміра, по имени, (это имя употребляется москowitzами при крещеніи) и въ немъ похороненнаго. Онъ расположенъ въ очень красивой и пріятной мѣстности, близъ прекрасной, покрытой отъ сего мѣста и до Каспійскаго моря, судами, рѣки Волги, имѣющей въ этомъ мѣстѣ въ глубину до десяти сажени и въ ширину болѣе четверти мили. Сей городъ весьма достоинъ похвалы и находится отъ Москвы въ 10 дняхъ пути; рыба, дичь, и иные жизненные припасы имѣются здѣсь въ большомъ изобиліи. Отсюда мы отправились дальше и въ Филипповскій постъ (im Advent) прибыли въ другой городъ, по имени Муромъ, лежащій почти на пол-дорогѣ между Москвою и Казанью, при рѣкѣ Окѣ (Ora) которую можно сравнить съ Эльбою въ Германіи. Изъ Мурома мы прибыли въ довольно большой городъ, Нижній, или Малый Новгородъ, находящійся на самой границѣ Черемисскихъ Татаръ, а оттуда въ самую страну ихъ, крайне негостепримную, покрытую кустарникомъ, малонаселенную и болотистую, гдѣ нельзя найдти ни пріюта, ни пици, ни чего иного необходимаго, но надо все имѣть съ собою и устраивать пристанище въ лѣсу. Тамъ и самъ попадаются лишь татарскіе шалаши; деревень же нѣтъ вовсе. Эти Татары сѣютъ хлѣба немного и мало занимаются земледѣліемъ, но питаются главнымъ образомъ мясомъ лошадей и овецъ, коихъ они имѣютъ въ большомъ количествѣ, но всетаки они болѣе сѣютъ хлѣба и болѣе занимаются земледѣліемъ, нежели Ногайскіе Татары, которымъ хлѣбъ совсѣмъ неизвѣстенъ, и о которыхъ будетъ сказано подробнѣе ниже. Въ этой странѣ путешествіе было бы невозможно, если бы она не была окружена москowitzами и подчинена имъ. Чтобы добиться чего либо отъ обитателей сей страны приходится ихъ силою и побоями (Zwang und Streichen) принуждать къ работѣ; они мало чѣмъ отличаются отъ дикихъ звѣрей. Проѣхавъ съ большими затрудненіями и удивленіемъ эту страну, мы прибыли опять въ московскій городъ, по имени Свияжскъ (Schviasko), а 24-го декабря, наканунѣ св. Рождества Христова, въ Казань, довольно большой городъ, который, по величинѣ, можно сравнить съ Бреславлемъ, и который, лѣтъ 30 тому назадъ, былъ взятъ тираномъ, Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ (von dem Tyrannen dem Großfürsten Ivano Basilovitzsch) и присоединенъ къ Московскому го-

сударству. Онъ весь построенъ изъ дерева и окруженъ деревянными укрѣпленіями (Bollwerck). Въ этомъ городѣ находится прекрасный замокъ, окруженный двойною стѣною, выстроенный вышепомянутымъ Иваномъ Васильевичемъ, послѣ взятія города на довольно высокой горѣ (Berg), у подножія которой протекаетъ рѣка Казанка, (der Flusz Cassan) отъ которой городъ получилъ свое названіе, и которая впадаетъ въ рѣку Волгу, въ милѣ отъ него. Здѣсь намъ пришлось провести всю зиму до 11 мая, такъ какъ путешествовать сухимъ путемъ въ этихъ мѣстахъ совершенно невозможно, во-первыхъ, по причинѣ Татаръ, а также и потому, что на протяженіи около 300 миль встрѣчается всего лишь 3 городка, построенныхъ на берегу рѣки Волги. Помянутого же 11 мая мы отправились по рѣкѣ Волгѣ на Астрахань, главный городъ Ногайцевъ, и расположенный въ 300 миляхъ отъ Казани, въ сопровожденіи 70 московскихъ судовъ, которые везли жизненные припасы (so Proviant geführet); мы ѣхали, большей частью, днемъ и ночью, и прибыли 16 того же мѣсяца въ Самару, первый пограничный городъ, 21 мая въ Саратовъ, также пограничный городъ, находящійся, приблизительно въ 150 нѣмецкихъ миляхъ отъ Казани, затѣмъ, 23 мая, въ третій пограничный городъ, по имени Царицынъ (Zaritzona), отстоящій отъ Астрахани (Astarcan) на 70 миль, и наконецъ, Слава Богу, благополучно достигли Астрахани 27 мая, проведя въ дорогѣ весь этотъ день и ночь на него. Тутъ намъ тоже пришлось ждать болѣе двухъ мѣсяцевъ, пока приготовили суда и все нужное для плаванія, причемъ не обошлось безъ затрудненій и непріятностей, хотя мы и жили на счетъ Великаго Князя. Городъ этотъ, Астрахань, не особенно великъ и не сильно укрѣпленъ; большей частью постройки всѣ деревянные, за исключеніемъ замка (Schlosz), окруженнаго обыкновенною плохою стѣною, но рѣка Волга окружаетъ его, когда разливается, на подобіе острова, на пространствѣ почти цѣлой нѣмецкой мили. Городъ этотъ былъ недавно, лѣтъ тридцать тому назадъ, отбитъ у Турокъ, неоднократно уже упоминавшимся Иваномъ Васильевичемъ и находился, въ то время, не на этомъ мѣстѣ, но одною милею дальше, гдѣ и доселѣ еще можно видѣть развалины его и остатки прежнихъ стѣнъ. По разореніи же его вышеназваннымъ Великимъ Княземъ, онъ былъ вновь заложень (fundirt) и выстроенъ на теперешнемъ мѣстѣ. Въ немъ живутъ нѣсколько тысячъ Татаръ, подчинившихся москвитамъ, и находится много древнихъ Татарскихъ памятниковъ и усыпальницъ, которыя мы осматривали съ большимъ вниманіемъ. Между ними есть нѣсколько такихъ, гдѣ похоронены знаменитые стародавніе Татарскіе князья, и гдѣ Татары

до настоящаго времени возжигаютъ большое количество лампадъ и свѣчей. Они похожи на наши небольшія часовни (Capellen), выстроены въ видѣ круглыхъ, съвозныхъ башенокъ и покрыты внутри Татарскими надписями, высѣченными на камнѣ.

Эта страна Ногайскихъ Татаръ представляетъ равнину, гладкую, лишенную растительности и мало населенную, не имѣющую ни сель, ни городовъ. Въ ней встрѣчается мало лѣсовъ и прѣсной воды, которая большею частью солоня и горька. Въ Астрахани находится много соляныхъ колодцевъ (Salzbrunnen), и вся Московія снабжается отсюда солью. Великій Князь имѣетъ ежегодно большой доходъ отъ соли. Четверикъ (Scheffel) соли продается весьма недорого, именно за 6 алтынъ, что составляетъ 6 дюркеновъ (Dürcken) на наши деньги. Сѣяніемъ хлѣба и разведеніемъ иныхъ плодовъ тамъ занимаются мало, хотя почва тамъ такъ хороша и плодородна, какъ нигдѣ у насъ въ Германіи, и тамъ въ изобиліи растутъ полезныя травы н. п. лаванда и многія другія. Это плодородіе почвы служитъ причиною тому, что Татары не имѣютъ постояннаго мѣста жительства, а перекочевываютъ изъ одного въ другое, получая все нужное для своего существованія, также какъ и Черемисы, о которыхъ я уже упоминалъ, отъ своихъ лошадей и овецъ, которыхъ они обыкновенно имѣютъ въ громадномъ количествѣ. Они ѣдятъ конину и пьютъ молоко, лошадиное и овечье, которое они кипятятъ, квасятъ и возятъ за собою въ кожаныхъ мѣшкахъ (in ledernen Säcken). Хлѣбъ имъ совершенно неизвѣстенъ, и нерѣдко бываетъ, что многіе Татары, взятые въ плѣнъ москвитами, умираютъ, прежде чѣмъ привыкнуть питаться хлѣбомъ. У нихъ нѣтъ также ходячей монеты; если же они желаютъ что-либо продать или купить, то они предлагаютъ лошадей или овецъ, смотря по стоимости предмета. Если же имъ достанутся, отъ москвитовъ, путемъ грабежа, золотыя или серебряныя деньги, то они обвѣшиваютъ ими своихъ женщинъ ради украшенія (behängen und schmücken ihre Weiber damit). Свои жилища, очень красиво сдѣланныя изъ войлока и хлопчато-бумажной ткани разныхъ цвѣтовъ и похожія на небольшія палатки (только что верхушки ихъ совершенно круглы), они возятъ за собою на повѣзкахъ о двухъ колесахъ, куда впрягаются верблюды. Когда трава кругомъ вся съѣдена, то они двигаются на нѣсколько миль дальше, пока не найдутъ новаго удобнаго мѣста. У нихъ, одинъ продаетъ другаго: отецъ своихъ дѣтей, или женъ, если онѣ бесплодны, господинъ своихъ рабовъ, или плѣнниковъ, и за небольшую, къ тому еще, цѣну. Въ Астрахани, во время нашего пребыванія, можно было, по причинѣ господствовавшего

голода, купить Татарина за 4—5 флориновъ, а то и дешевле. Я самъ, на возвратномъ пути изъ Персіи, выкупилъ такимъ образомъ и привезъ съ собою обратно въ Прагу, одного плѣннаго христіанина, по имени Фридрихъ Фидлеръ, сына портнаго изъ Гросъ-Глогау. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ онъ былъ захваченъ въ плѣнъ Татарами передъ городомъ Керештешъ (?) <sup>1)</sup> въ Венгріи и уведенъ ими, но бѣжалъ отъ нихъ и попался московскимъ казакамъ. Онъ былъ семь лѣтъ въ плѣну у этихъ варваровъ и вполне узналъ ихъ варварскій образъ жизни и ихъ безчеловѣчную жестокость по отношеніи къ бѣднымъ христіанамъ. Они (Ногайскіе Татары) поочередно снабжаютъ своихъ мурзъ или князей всѣмъ необходимымъ, доставляютъ имъ все въ изобиліи и выбираютъ себѣ въ начальники того изъ нихъ, кто отличился на войнѣ, или одержалъ нѣсколько побѣдъ. Каждый имѣетъ столько женъ, сколько можетъ прокормить, причемъ они и продаютъ ихъ, если онѣ безплодны. Точно также они поступаютъ и съ дочерьми своими, обмѣнивая ихъ на скотъ и, вообще, это — народъ жестокой и коварный. Жара (Hitze) въ этой странѣ невыносима, зима въ ней непродолжительна, и дожди идутъ весьма рѣдко. Путешествовать по ней совершенно невозможно, по причинѣ большого количества громадныхъ змѣй и иныхъ разныхъ гадовъ, такъ что спокойно расположиться можно, только зажегши кругомъ траву, которая очень высока, и горитъ иногда на протяженіи нѣсколькихъ миль. Только этимъ способомъ можно отогнать этихъ гадовъ (Ungeziefer).

Мы были уже готовы къ дальнѣйшему путешествію, и корабль и все необходимое для плаванія по морю были готовы, и мы хотѣли уже отплыть, какъ къ намъ явился польскій дворянинъ, по имени Христофоръ Павловскій, хорошо знающій польскій, нѣмецкій, латинскій, испанскій и другіе языки. Онъ желалъ вернуться въ Польшу съ острова Ормуса <sup>2)</sup> (Ormusz), черезъ Московію, а такъ какъ здѣсь никого кромѣ посольствъ, не пропускали, а задерживали, то онъ и просилъ моего господина, Императорскаго Посла, помочь ему продолжить свой путь. Мой господинъ принялъ его къ себѣ на службу, и онъ отправился съ нами обратно въ Персію. Въ день Св. Маріи Магдалины <sup>3)</sup> мы сѣли на персидское торговое судно и отправились въ Пер-

<sup>1)</sup> Въ подлинникѣ стоитъ „Cristos“. Трудно рѣшить, какой это именно городъ: Керештешъ, Кресты, или Керешъ.

<sup>2)</sup> Въ проливѣ того же имени, ведущемъ изъ Аравійскаго залива въ Персидскій заливъ.

<sup>3)</sup> 22 іюля.

сію черезъ Каспійское море, которое имѣеть въ ширину 300 нѣмецкихъ миль и находится на разстояніи двухъ дней пути отъ вышепомянутаго города Астрахани, откуда можно проѣхать до самой морской гавани по рѣкѣ Волгѣ, которая впадаетъ десятью рукавами въ море. Мы плыли 31 день и прибыли, несмотря на то, что выдержали сильную бурю и грозу, продолжавшіяся два дня и двѣ ночи, 8 августа въ Ленкорань, отстоящій на одну милю отъ моря, въ персидской провинціи Гилянъ. Эта мѣстность красива и пріятна на видъ, но климатъ въ ней слишкомъ тепелъ и нездоровъ, благодаря близости моря. Мы тутъ пробыли около 10 недѣль, въ крайне бѣдственномъ положеніи, ибо ничего не имѣли для нашего пропитанія и должны были ѣсть исключительно одну невкусную баранину и хлѣбъ изъ риса и пить нездоровую воду изъ Каспійскаго моря. Виноградъ и другіе плоды тамъ растутъ въ изобиліи, но Персы не смѣютъ готовить вина и, еще менѣе, пить его. Они вялятъ виноградъ и продаютъ его въ такомъ видѣ, или же ѣдятъ сырымъ (roh). Вслѣдствіе сего мой господинъ и всѣ бывшіе съ нами, въ количествѣ 8 человекъ, заболѣли, а Павловскій, первый, скончался. Отсюда мой покойный господинъ послалъ гонца въ Испагань къ Шаху Персидскому, находящемуся тогда въ походѣ противъ Тавриза, и къ патеру Франциску ди Коста, папскому посланнику, незадолго до насъ сюда присланному, съ письменною просьбою о вызволеніи нашемъ изъ этого мѣста. Испагань, нынѣ столица Персіи и мѣстопробываніе Шаха, находится въ древней Парөи и отстоитъ отъ Ленкорана болѣе чѣмъ на 14 дней верховой ѣзды, т.-е. около 120 нѣмецкихъ миль. Донъ Робертъ Ширль (Don Rhobert Schirle), братъ того англичанина, который былъ здѣсь, и оставшійся заложникомъ, вѣроятно, навсегда, явился тогда къ моему господину, чтобы увезти насъ оттуда, но мы могли донести моего господина на носилкахъ, вслѣдствіе его слабости, лишь до Ланцена, не далѣе двухъ миль, гдѣ пришлось остановиться, и гдѣ онъ прожилъ еще три дня. Передъ смертью онъ далъ мнѣ и другому моему товарищу подробное наставленіе, какъ поступить съ грамотами Его Величества Римскаго Императора, причемъ приказалъ мнѣ сдать ихъ съ рукъ на руки, согласно его завѣщанію и какъ это изложено въ нижеслѣдующемъ наказѣ его. А за симъ онъ, въ полномъ сознаніи и вполне по-христіански, скончался 25 октября 1603 года и похороненъ нами, 26 октября, согласно съ его желаніемъ, подъ деревомъ, въ саду при нашей квартирѣ, въ Ланценѣ.

Наказъ г-на Стефана Какаша, данный имъ, незадолго до его смерти, его слугамъ <sup>1)</sup> (Dienern) Георгу Тектандеру и Георгу Агеласту, какъ имъ, по его кончинѣ, поступить съ Императорскими Грамотами и вообще вести себя.

„Любезные слуги Георгъ Тектандеръ и Георгъ Агеластъ! Прежде всего прошу васъ похоронить меня со свѣчами и христіанскими молитвенными пѣснопѣніями, подобно тому, какъ я похоронилъ вашего товарища Христофора Павловскаго, какъ вы это сами видѣли.

Во-вторыхъ: передайте добросовѣстно грамоту Его Императорскаго Величества, Нашего Милостиваго Государя, Шаху Персидскому, въ томъ видѣ, какъ я ее приготовилъ.

Въ-третьихъ: продайте мои семь сороковъ соболей и мое верхнее платье. Вы навѣрное выручите отъ сего 1000 дукатовъ. При мѣхахъ находятся еще 128 дукатовъ; употребите изъ нихъ, сколько нужно, на ваше прожитіе, а когда, съ помощью всемогущаго Бога, будете возвращаться домой чрезъ Венецію, какъ я вамъ совѣтую, и король <sup>2)</sup> вамъ дастъ охранную грамоту, и вамъ придется ѣхать въ Прагу чрезъ Тироль, то вамъ не миновать города Боцена. Тамъ вы освѣдомьтесь о моей женѣ и передайте ей остатокъ денегъ вмѣстѣ съ моимъ чернымъ чемоданомъ, запечатаннымъ, такъ, какъ онъ есть, съ моимъ платьемъ, саблею, и прочими вещами. Если же вы поѣдете опять черезъ Московію, то отдайте все это г-ну Гансу Ундергольцеру (Unterholtzer), придворному Его Императорскаго Величества казначею (Hoffzahlmeister), или же Его Милости г-ну барону Вольфу Унферцахту (Unverzagt), тайному совѣтнику Его Императорскаго Величества и предсѣдателю Императорскаго Камеральнаго Суда и покажите ему также этотъ мой наказъ: ваша двухлѣтняя вѣрная служба будетъ достойнымъ образомъ награждена; объ этомъ я писалъ Его Милости.

Въ-четвертыхъ: я написалъ письмо патеру Франциску де-Коста, папскому послу; передайте ему аккуратно. Въ моемъ красномъ кошелькѣ вы найдете 3 дуката золотомъ и 5 дукатовъ серебромъ; употребите изъ нихъ, сколько понадобится, для вашего пропитанія.

<sup>1)</sup> За неизвѣніемъ другаго выраженія употребляю слово „слуга“, хотя Тектандеръ былъ скорѣе „секретаремъ“ Какаша.

<sup>2)</sup> Какашъ разумѣетъ здѣсь подъ именемъ „король“ тогдашняго венеціанскаго дожа, Марино Гримани.

Наконецъ, прошу васъ, будьте богобоязненны, исполните добросовѣстно все, вамъ порученное, поступайте такъ, какъ я, бѣдный грѣшникъ, поступалъ съ помощью Божіей. Если вы добросовѣстно исполните все, то Всемогущій Богъ отечески вознаградитъ васъ здѣсь на землѣ и въ той жизни, и вамъ будетъ при дворѣ Его Императорскаго Величества оказана честь и всякое споспѣшествованіе; въ противномъ же случаѣ вы увидите, сколь исполнена призраковъ и горькаго обмана жизнь. Въ заключеніе, я прощаюсь съ вами и съ прочими четырьмя; да хранить васъ Всемогущій Богъ. Если тѣ трое—Николай, Ромень и Любинъ отправятся съ вами до Праги, то они получатъ за это вознагражденіе, хотя я не могу особенно похвалить ихъ, кромѣ Николая, котораго я вамъ препоручаю. Любите крѣпко другъ друга и т. п.—Ленкоранъ, 5 сентября 1603 года, Стефанъ Какашъ изъ Залонкемени“.

Когда стало ясно, что г. Посоль долго не проживетъ, и что болѣзнь его усиливается, то губернаторъ Ланцена, по имени Магометъ Шефи (Mahomet Scherphi) велѣлъ, еще при жизни моего господина, Посла, открыть чемоданъ покойнаго, который онъ самъ запечаталъ, осмотрѣлъ всѣ вещи въ немъ и, конечно, написалъ своему Шаху, что въ немъ содержалось. Въ немъ оказались, въ обертеѣ, семь сороковъ соболей и платье, которое я взялъ себѣ, такъ какъ у меня его не было, ибо господинъ мой намѣревался обшить насъ въ Испагани. Соболя же и органъ я отправилъ въ Тавризь, на ослѣ, котораго мнѣ далъ губернаторъ Ланцена, въ сопровожденіи нѣскою знатной особы, о чемъ я уже говорилъ раньше.

За симъ, 26 октября, я отправился съ Робертомъ Ширлемъ далѣе въ Казбинъ (Caspin), первый персидскій городъ, если ѣхать отсюда, куда и прибылъ черезъ 5 дней пути. Этотъ городъ можно почти сравнить съ Бреславлемъ; онъ не имѣетъ стѣны вокругъ, и зданія въ немъ построены по турецкому способу, изъ камня (кирпича?) и глины. Мнѣ пришлось разстаться здѣсь еще съ четырьмя моими товарищами, изъ коихъ два были москвиты, а остальные поляки, на смерть заболѣвшими, несмотря на то, что Персы тщательнo ухаживали за ними и снабжали ихъ всѣмъ нужнымъ. 1 ноября прибылъ я съ моимъ товарищемъ Геромомъ Агеластомъ и прислужникомъ моимъ, нѣмцемъ, въ Казбинъ и пробылъ тамъ четыре дня; вышепомянутый товарищъ мой скончался здѣсь, на моихъ глазахъ, отъ кроваваго поноса <sup>1)</sup>, а Робертъ Ширль

<sup>1)</sup> Шефферъ переводитъ выраженіе „rothes Wehe“ черезъ „скарлатина“. Едва ли это вѣрно, ибо кровавый поносъ и донинѣ господствуетъ въ этой мѣстности, да и скарлатина по-нѣмцки—Scharlach-fieber.

также покинул меня, поручивъ знатному Персу доставить меня въ Тавризъ къ Шаху. Такимъ образомъ я очутился одинъ, въ большемъ горѣ и затрудненіи, съ переводчикомъ съ московскаго языка на персидскій, по имени Муратъ (Murath), котораго я, совершенно не зная, нанялъ въ Ланценѣ, и съ которымъ я съ трудомъ объяснялся на московскомъ нарѣчій, и которому я долженъ былъ платить еженедѣльное жалованье, давать платье и все необходимое для существованія.

Вслѣдствіе моихъ частыхъ просьбъ, мы, наконецъ, отправились съ вышепомянутымъ знатнымъ Персомъ въ Тавризъ, отстоящій отъ Казвина на 150 нѣмецкихъ миль, или 22 дня пути, куда Шахъ отправился походомъ съ 12.000 войска и который (Тавризъ) былъ взятъ имъ за 12 дней до моего прибытія. Я прибылъ туда 15 декабря, около трехъ часовъ пополудни, совершенно больной; лихорадка и кровавый поносъ до того меня ослабили, что я не былъ въ состояніи одинъ взобраться на коня и часто уже прощался съ жизнью. Къ тому же мы еще почти все время ѣхали быстро, и днемъ и ночью, дабы поспѣть поскорѣе въ Тавризъ, до отъѣзда оттуда Шаха, который дѣйствительно, пробылъ тамъ лишь еще три дня послѣ моего пріѣзда.

Такъ какъ Шахъ потребовалъ меня къ себѣ тотчасъ же, какъ я слѣзъ съ коня и не успѣлъ еще, ни поставить лошадей въ конюшню, ни подкрѣпиться чѣмъ-либо, ни переодѣнуть платье, а только что послалъ моего слугу купить мнѣ что либо съѣстнаго на рынкѣ, то я всѣ свои вещи оставилъ безъ присмотра, и меня повели въ Тавризскій дворецъ (palatium), гдѣ я засталъ Шаха, сидящимъ на землѣ со всѣми своими придворными и совѣтниками. Шахъ былъ одѣтъ хуже остальныхъ, такъ что я не узналъ его, переводчика же у меня не было, и посему я остановился въ смущеніи, какъ бы лишенный языка. Тогда одинъ старый Персъ взялъ меня за руку и подвелъ къ Шаху, предъ которымъ я палъ на колѣни, цѣлуя его руки, согласно тому, какъ меня раньше училъ, находившійся при мнѣ приставъ. Шахъ сдѣлалъ мнѣ знакъ рукою, чтобы я всталъ, а нѣкій итальянецъ, ренегатъ, обратился ко мнѣ на итальянскомъ языкѣ. Я спросилъ его, понимаетъ ли онъ латинскій языкъ, и рассказалъ ему по латыни, что Римскій Императоръ послалъ къ его Величеству Шаху моего господина, который и прибылъ со свитою въ 8 человекъ въ Ленкоранъ, въ провинціи Гилянъ, но вслѣдствіе недостатка съѣстныхъ припасовъ и вина, тамъ скончался съ тремя другими, ибо, какъ уже было выше сказано, мы ничего не могли получить, кромѣ дурной воды и невкуснаго овечьяго мяса, а четверо нашихъ людей остались тамъ полумертвыми, о чемъ я уже говорилъ раньше; покойный же гос-



подинъ мой приказалъ мнѣ передать Императорскія грамоты Шаху. Шахъ потребовалъ грамоты, а, такъ какъ онѣ остались у меня въ чемоданѣ, то я хотѣлъ было отправиться за ними, но мнѣ этого не позволили, а я долженъ былъ отдать ключи одному изъ знатнѣйшихъ совѣтниковъ Шаха, который, такимъ образомъ, принесъ грамоты и вручилъ ихъ мнѣ въ присутствіи Шаха. Одна грамота Его Величества была на латинскомъ языкѣ, другая на итальянскомъ, третья же, отъ Великаго Князя московскаго, и привѣтственная рѣчь на томъ и другомъ языкахъ. Грамоты эти я почтительно передалъ Его Величеству Шаху такъ, какъ это у нихъ принято и какъ меня учили, т. е. стоя на колѣняхъ и цѣлуя его руки. Шахъ величаво принялъ отъ меня грамоты и лобызаніе, положилъ мнѣ руку на голову и велѣлъ мнѣ сѣсть у него въ ногахъ; затѣмъ онъ самъ распечаталъ грамоты. По распечатаніи же, прежде чѣмъ было приступлено къ ихъ чтенію, въ дворецъ (*palatium*) привели плѣннаго, связаннаго Турка, упавшаго на колѣни предъ Шахомъ, которому подали двѣ сабли, которыя онъ внимательно осмотрѣлъ. Одну изъ нихъ, съ рукояткою и ножнами, обдѣланными арабскимъ золотомъ (*mit arabischem Golde*) онъ, нѣсколько дней спустя, прислалъ мнѣ, другую же онъ обнажилъ, поднялся съ мѣста и совершенно спокойно, ничуть не измѣняясь въ лицѣ, отрубилъ ею голову, распростертому предъ нимъ, Турку, не взирая на его мольбы. Я не мало былъ испуганъ этимъ и не зналъ, надѣяться ли мнѣ, или бояться (*intra spem et metum*), ожидая, что другою саблею лишать жизни и меня, полагая, что Его Римское Величество, либо заключилъ миръ съ Турками, или говорить что либо о мирѣ въ своихъ грамотахъ, и что посему и я поплачусь своею головою. Но Шахъ сѣлъ снова на свое мѣсто и сказалъ, съ легкою усмѣшкою, что-то, чего я не понялъ, а затѣмъ велѣлъ объявить мнѣ, что вотъ какъ должны поступать христіане съ Турками, и что за нимъ де дѣло не станетъ. Послѣ сего онъ препоручилъ меня одному изъ своихъ кравчихъ (*Truchsesz*). Когда же я съ этимъ кравчимъ прибылъ къ нему въ домъ, то Шахъ прислалъ вышепомянутаго итальянца ко мнѣ на квартиру, съ грамотами, и этотъ при мнѣ перевелъ грамоту, написанную на итальянскомъ языкѣ, а равно и рѣчь, которую предполагалъ произнести мой господинъ, на персидскій языкъ, хотя причины посольства уже были имъ извѣстны изъ грамоты Московита.

На другой день, рано утромъ, Шахъ почтилъ меня, приславъ мнѣ на квартиру, въ подарокъ, прекраснаго арабскаго коня, а на третій день послѣ сего, 18 ноября, Его Величество покинулъ Та-

вризъ, со всѣмъ своимъ войскомъ, въ 120 000 чел., и всѣми своими женами, которыхъ я, правда, не видалъ, но которыхъ было, говорятъ, до 500, а также и съ двумя своими сыновьями отъ одной грузинки, нынѣ уже умершей, христіанки и дочери царя Грузинскаго. Старшему, по имени Софи Мирза, было приблизительно 17 лѣтъ, а младшему, по имени Султанъ Магометъ, около 7-ми. Тавризъ—очень большой городъ съ прекрасными домами, садами, храмами и банями, разукрашенными въ турецкомъ вкусѣ. Имѣя въ окружности 5 нѣмецкихъ миль, онъ совершенно не укрѣпленъ и открытъ для нападенія, не имѣетъ стѣнъ и выстроенъ весь, какъ уже было сказано выше, изъ камня и глины и немного раззоренъ. Посреди города находится большой старинный замокъ, окруженный двойною стѣною и рвами. Шахъ оставилъ въ Тавризѣ сильный гарнизонъ изъ своихъ солдатъ. Всѣ города и села, затѣмъ, куда бы мы не пришли, подчинялись Персамъ добровольно, безъ всякаго сопротивленія, какъ н. п. города Марандъ (Marant) въ Мидіи, Нахичиванъ, Джульфа (Nachtschiruan, Sulpha) въ Арменіи и многіе другіе, чему я самъ былъ свидѣтелемъ. Гдѣ бы его Величество Шахъ ни проѣзжалъ, въ городѣ ли, или деревнѣ, повсюду простой народъ, мужчины, женщины и дѣти, сбѣгался со всѣхъ сторонъ и становился въ круги, держась за руки, и пѣли и плясали, то припрыгивая, то присядая при каждомъ словѣ, согласно ихъ обычаю. Посреди же каждаго круга двое и трое играли на ихъ бубнахъ, похожихъ на рѣшета, обтянутыя съ одной стороны кожею, и снабженныхъ четырьмя мѣдными кружками. Они играютъ на нихъ очень своеобразно и такимъ образомъ привѣтствовали Шаха пѣніемъ и пляскою.

Прибывши въ Арменію, Его Величество также не встрѣтилъ никакого сопротивленія, и все продолжало идти вполне благополучно. Въ городѣ Джульфа (Sulpha), сильной крѣпости, населенной исключительно одними христіанами, Армянами, Шаха приняла необыкновенно великолѣпнымъ образомъ: въ честь его въѣзда всѣ дома въ городѣ, выстроеннаго безъ крышъ, но съ балконами на верху, были утыканы (bestecket) свѣчами, коихъ всѣхъ было до 50.000 и кои горѣли въ теченіи всей ночи. Что касается прочихъ выдающихся городовъ, которыхъ насчитывается до 54-хъ, то объ нихъ доложить Вашему Императорскому Величеству посолъ, нынѣ находящійся въ Персіи.

Что касается, далѣе, религіи и богослуженія Персовъ, то, насколько я могъ самъ видѣть и узнать изъ разспросовъ, они считаютъ и называютъ однихъ себя истинными мусульманами, а прочихъ не

признають за таковыхъ, между тѣмъ какъ разница между ними и Турками, въ этомъ отношеніи, чрезвычайно мала и незначительна. А тому, что они такъ враждебно и съ такою ненавистью относятся другъ къ другу, причина слѣдующая: нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Турецкій Султанъ, при помощи измѣны двухъ родныхъ братьевъ Шаха и главныхъ начальниковъ войска его, отнялъ у отца теперешняго Персидскаго Шаха, слѣпаго старика, которому уже надоѣло царствовать и котораго не особенно уважали, всю Мидію, Арменію и другія знатныя страны, принадлежація Персіи, а также увелъ въ плѣнъ одного изъ братьевъ теперешняго Шаха. По кончинѣ стараго Шаха, называвшагося Шахъ Худабеномъ (Schach Chudabent), второй сынъ его, нынѣ царствующій Шахъ Аббасъ, достигши совершеннолѣтія, узналъ объ этомъ предательствѣ и приказалъ главныхъ военачальниковъ казнить, а двумъ братьямъ своего отца выколоть глаза, отъ чего одинъ изъ нихъ умеръ, а другой еще живъ. На всѣ должности во всей странѣ были назначены новыя лица, а года три тому назадъ, Великій Князь Московскій, по наущенію Его Римскаго Императорскаго Величества, убѣдилъ нынѣ царствующаго Шаха открыто объявить войну Туркамъ, и до нынѣшняго дня сей послѣдній все одерживалъ надъ ними побѣды.

Храмовъ или мечетей (Meskiten) у нихъ очень много; онѣ дѣлятся, каждая, на двѣ части, изъ которыхъ одну посѣщаютъ мужчины, а другую—женщины, которыя никогда не открываютъ своихъ лицъ. Мечети обыкновенно выстроены въ два этажа, съ небольшими круглыми, сквозными башенками наверху; съ этихъ башенокъ, ихъ священникъ (Priester) три раза въ день, утромъ при восходѣ солнца, въ полдень, и вечеромъ, кричитъ слѣдующія слова: *Halla Halla Halla Neskuvvar, Rachmanne, Rachim, lai, lai, illa lai*, которыя служатъ имъ вмѣсто колоколовъ, употребляемыхъ у христіанъ. У нихъ нѣтъ ни часовъ, ни чего либо подобнаго, такъ что я, какъ-то разъ, сбился въ числахъ и жилъ цѣлые полгода до возвращенія моего въ Московію, изо дня въ день, не отличая одного дня отъ другаго. Передъ храмами у нихъ устроены водоемы или водометы (Quell oder Springbrunnen), въ которомъ они моютъ себѣ руки и ноги, прежде чѣмъ переступятъ порогъ храма. Они снимаютъ обувь и входятъ въ храмъ босыми. Затѣмъ, есть у нихъ осьмиугольный камень коричневаго цвѣта, похожій на мраморъ и обернутый въ прекрасный, шелковый платъ. Они кладутъ этотъ камень на, устланный превосходными коврами, полъ храма, въ которомъ нѣтъ ни скамеекъ, ни лавокъ для сидѣнія, стѣны же вокругъ всѣ покрыты турецкими (türckischen) письменами, падаютъ

ницъ, цѣлуютъ этотъ камень, встаютъ и повторяютъ это нѣсколько разъ. То же самое они продѣлываютъ и въ дорогѣ и у себя дома: омываютъ руки и ноги и молятся съ обнаженными руками и ногами. Головы они никогда не обнажаютъ, даже если молятся, или являются къ Шаху, и удивлялись каждый разъ, когда я снималъ свою шляпу. У нихъ есть разные праздники въ году, когда они страшно изрѣзываютъ себѣ головы и все туловище бритвами и обжигаютъ себѣ руки зажженною хлопчатую бумагою, пропитанною жиромъ. Они не терпятъ волосъ и брѣютъ себѣ головы и сокровенныя части тѣла. Пятница у нихъ считается воскресеньемъ; они соблюдаютъ обрѣзаніе такъ же какъ и Турки; въ комнатахъ у нихъ постоянно горятъ лампы и поклоняются они тому же самому, что и Турки. Относительно просвѣщенія они находятся все въ томъ же положеніи, какъ много лѣтъ назадъ; у нихъ нѣтъ типографій, и всѣ ихъ книги—рукописныя. Но въ исторіи они очень свѣдущи, и имъ ничего нельзя сказать о ихъ предкахъ такого, чего бы они не знали. Ихъ священники или духовныя лица (Priester oder Geistliche) носятъ коричневыя чалмы вмѣсто бѣлыхъ и суконныя кафтаны (Röcke) изъ верблюжьей шерсти; для путешествій они (т. е. священники) употребляютъ не лошадей, а муловъ. Простой народъ оказываетъ имъ божескія почести.

Трупы или тѣла ихъ усопшихъ (Leichen oder Todten verstorbene Sörger) они хоронятъ слѣдующимъ образомъ: какъ только кто умретъ, тотчасъ же, будь то днемъ или ночью, всѣ домашніе умершаго, его дѣти и друзья, отправляются по всѣмъ улицамъ и жалобно кричатъ и оплакиваютъ покойнаго въ теченіе двухъ часовъ. Первое время, пока мы не знали сего, мы часто думали, что случился гдѣ либо пожаръ, или бунтъ, или убійство. На другой день, трупъ выносится изъ дома въ гробу, въ которомъ покойникъ лежитъ, убранный какъ и у насъ. Если покойникъ былъ военнаго званія, то на гробъ кладутъ его платье, чалму, обувь, саблю, словомъ, весь тотъ нарядъ, который онъ носилъ при жизни. Спереди и сзади несутъ большія зажженныя, мѣдныя лампы. Пройдя нѣсколько шаговъ, они приподнимаютъ и опускаютъ покойника раза три или четыре и кричатъ что-то на ихъ языкѣ, и поступаютъ такимъ образомъ пока не достигнутъ могилы. На большемъ разстояніи сзади гроба слѣдуютъ женщины, родственницы покойника, завѣшанныя черными, тонкими покрывалами, такъ что ихъ нельзя разглядѣть, и которыя плачутъ и воютъ до самой могилы. Какъ они поступаютъ далѣе, мнѣ не удалось видѣть. По окончаніи же похоронъ, въ головахъ покойника ставятъ каменный столбъ, вышиною въ четыре или пять локтей, съ высѣченною на немъ персидскою надписью. Ихъ

кладбища находятся довольно далеко от города, среди чистаго поля и издали похожи на городъ, полный башень. Ежегодно, въ день кончины, родственники покойнаго отправляются на его могилу, оплакиваютъ и поминаютъ его, ставятъ свѣчи и лампы на могилу и производятъ разныя, подобныя сему, кривлянья.

Бракъ у нихъ считается совершенно ни во что: они берутъ или покупаютъ себѣ женъ, сколько кто можетъ прокормить, какъ я уже говорилъ это раньше про Шаха. Что же касается ихъ нравовъ и поведенія, то они, хотя и язычники, но гораздо приличнѣе Московитовъ, которыхъ они превосходятъ во всемъ. Они не употребляютъ при ѣдѣ ни ножей, ни тарелокъ—это я видѣлъ самъ—даже за обѣдомъ у Шаха, куда я былъ приглашаемъ. Полъ комнаты, а въ походѣ, палатки, былъ устланъ великолѣпными коврами; прежде чѣмъ войти туда, я долженъ былъ снять обувь, согласно ихъ обычаю, и отдать ее, а затѣмъ уже пошелъ въ однихъ чулкахъ туда, гдѣ кругомъ на полу сидѣли во-первыхъ, Шахъ, затѣмъ нѣсколько знатныхъ Персовъ и Пашей, въ томъ числѣ и я, и, наконецъ, прочіе знатные совѣтники Шаха, съ ногами, скрещенными такъ, что ихъ не было видно. Мнѣ, непривыкшему сидѣть такимъ образомъ, было очень жутко (*sehr bange*) и я благодарилъ Бога, что обѣдъ скоро кончился. Ёсть я могъ немного, а ноги, когда я всталъ, оказались до того затекшими, что я довольно долго не могъ двинуться съ мѣста, пока не оправился. Шахъ неоднократно смѣялся надо мною, пока я не привыкъ. Когда всѣ сѣли, каждый на указанное ему мѣсто, то на коврѣ разложили кругомъ шелковую ткань, длиною въ нѣсколько локтей, не шире полотенца, затѣмъ подали воду, каждому поочередно, почти такъ же, какъ и у насъ, а потомъ положили предъ каждымъ по большой, круглой тонкой лепешкѣ изъ риса, замѣняющей хлѣбъ и тарелку. Наконецъ, кравчіе Шаха, все знатные Персы, подали въ большихъ серебряныхъ, или стальныхъ полированныхъ чашахъ кушанья, состоявшія по большей части изъ густо свареннаго риса, такъ что его можно было ѣсть, не размазывая по рукамъ, и обильно приправленнаго различнымъ образомъ, сахаромъ, медомъ, изюмомъ, миндалемъ и разными пряностями до того, что почти нельзя было ѣсть. Подавалась также на блюдахъ вареная и жареная дичь съ рисомъ, куропатки, фазаны, также баранина и козлина. Предъ Шахомъ ставились три или четыре блюда съ этими кушаньями, а передъ каждымъ изъ трапезующихъ по одному. Ёли безъ ножей, тарелокъ и ложекъ, прямо руками. Послѣ того, два или три служителя ходили кругомъ съ золотыми и серебряными сосудами, наполненными водой, въ которой были отварены всякаго рода пряности, и предъ-

лагали каждому пить. Вино подается весьма рѣдко и не иначе, какъ съ разрѣшенія Шаха, что бываетъ, когда онъ хорошо настроенъ. Вообще же оно запрещено у нихъ подѣ страхомъ смертной казни. Обыкновенно Персы не пьютъ съ христіанами, но на этотъ разъ они не смѣли гнушаться мною, но ѣли и пили вмѣстѣ, по приказанію Шаха. Я и впослѣдствіи обѣдалъ разъ двадцать съ Его Высочествомъ Шахомъ, который, вообще говоря, человѣкъ ласковый и веселаго нрава. Онъ очень благоволяетъ къ христіанамъ и питаетъ большую склонность къ военному дѣлу и рыцарскимъ занятіямъ. Ему около 31 года.

Лѣса ощущается въ Парсіи, Мидіи и Персіи большой недостатокъ, такъ что приходится варить пищу на соломѣ или на, высушенномъ на солнцѣ, навозѣ изъ подѣ коровъ или лошадей.—Изъ выше-названной крѣпости Джульфа (Sulpha), Его Высочество двинулся дальше и осадилъ Еривань, главную крѣпость Малой Арменіи, находящуюся въ 150 нѣмецкихъ миляхъ отъ Тавриза, довольно сильно укрѣпленную и удобно расположенную въ плодородной мѣстности. Въ трехъ миляхъ отъ нея находятся три церкви, коимъ нѣсколько сотъ лѣтъ; двѣ изъ нихъ совсѣмъ развалились, главная же, называемая по-турецки Учкллисса <sup>1)</sup> (Utzschklissa), поддерживается въ хорошемъ состояніи. Нѣкогда туда стекалось много богомольцевъ изъ разныхъ странъ, теперь же тамъ живетъ много греческихъ монаховъ, именующихъ себя христіанами. По моему желанію, Его Высочество Шахъ отпустилъ меня туда, осмотрѣть это мѣсто, при чемъ далъ мнѣ въ провозатѣ своихъ тѣлохранителей.

Прибывъ туда, я былъ принятъ Армянами съ царскими почестями, и прежде всего они повели меня въ церковь, гдѣ показали высохшую человѣческую руку, обдѣланную въ золото, и объяснили мнѣ чрезъ моего переводчика, что это—правая рука Григорія Назіанзина, похороненнаго здѣсь. Сама церковь отлично выстроена изъ блага тесанаго камня, съ прекраснымъ сводомъ имѣющимъ круглое отверстіе наверху, но образъ внутри ея совсѣмъ не имѣется, и когда я спросилъ о причинѣ сего, то мнѣ отвѣтили, что Турки не позволяютъ имъ теперь имѣть образа и колокола, кои прежде у нихъ были. Послѣ подробнаго осмотра церкви, меня повели въ домъ старшаго патріарха (Obristen Patriarchen) и отлично угостили ѣдой и питьемъ, причемъ ласково просили меня, какъ христіанина, по возвращенію моемъ,

<sup>1)</sup> Эчміадзинскій монастырь. Подробно о немъ см. Dubois de Montpreux, Voyage autour du Caucase, t. 3, и другія спеціальныя сочиненія о Кавказѣ. Учкллисса—по-турецки значитъ „три церкви“.

ходатайствовать у Его Высочества Шаха, о предоставленіи имъ свободно исповѣдывать ихъ исконную религію со всѣми ихъ прежними правами и возратить имъ то, что было отнято у нихъ Турками. По окончаніи трапезы, я вернулся верхомъ снова въ лагерь, въ сопровожденіи провожатыхъ Шаха и Армянъ. Прибывъ въ Еривань, къ шатру Шаха, я долженъ былъ сойти съ коня и доложить Его Высочеству о всемъ, происходившемъ у Армянъ. Мы пробыли здѣсь еще четыре недѣли, пока крѣпость не была взята Персами, и я былъ отпущенъ домой.

Въ помянутой крѣпости находилось до 40.000 Турокъ, по большей части бѣжавшихъ туда изъ Тавриза, которые держались до пяти недѣль, но, наконецъ, сдались Персамъ, вслѣдствіе недостатка въ жизненныхъ припасахъ. Большая часть находившихся тамъ, была умерщвлена.

Что касается сей страны, Арменіи, то она весьма гориста; особенно со стороны Каспійскаго моря, она вся состоитъ изъ высокихъ, голыхъ, каменныхъ горъ. Впрочемъ, она изобилуетъ хлопчатой бумагой, шелкомъ и разнаго рода плодами. Климатъ въ ней немного свѣжѣе, нежели въ Персіи, и въ ней встрѣчаются чрезвычайно высокія горы, на которыхъ снѣгъ лежитъ круглый годъ. Она граничитъ съ Пароіей, которая, какъ уже было сказано выше, принадлежала тоже Персіи, но нѣсколько лѣтъ тому назадъ, была предательски захвачена Турками.

Послѣ всего этого, Его Высочество Шахъ потребовалъ меня къ себѣ и объявилъ, что мнѣ уже пора отвезти отвѣтъ Его Императорскому Величеству, что, вмѣстѣ со мною, онъ посылаетъ для сего посломъ Мехтикули Бея (Mechtichuli Beeg). При этомъ онъ прислалъ мнѣ въ даръ царскую персидскую одежду съ своего плеча, арабскаго коня, 900 золотыхъ, чеканки, по большей части, Его Римскаго Величества, а также Курфирста Саксонскаго и короля Испанскаго, равно и ту персидскую саблю, о которой я раньше упоминалъ. И такимъ образомъ я былъ, наконецъ, отпущенъ 14 ноября, вмѣстѣ съ персидскимъ Посломъ.

Я долженъ доложить Вашему Императорскому Величеству еще слѣдующее: однажды въ Еривани, когда я сидѣлъ рядомъ съ Шахомъ на полу, покрытомъ коврами, и ѣлъ по-персидски, къ намъ вошло нѣсколько Турокъ, сдавшихся Шаху, просить помилованія. Но такъ какъ Шахъ, какъ уже было замѣчено раньше, былъ плохо одѣтъ въ красную, суконную одежду, а на мнѣ былъ красный, шелковый кафтанъ, и я, съ позволенія сказать, протянулъ мою ногу нѣсколько впередъ, ибо не могъ сидѣть съ скрещенными ногами, то эти Турки пали къ моимъ ногамъ и хотѣли ихъ поцѣловать. Я сильно испугался и убралъ ногу назадъ, Шахъ же посмотрѣлъ на меня и разсмѣялся.

Когда мы были окончательно отпущены Шахомъ и находились уже на обратномъ пути въ Московію, то намъ встрѣтился, 16 сего мѣсяца, турецкій Паша въ великолѣпной одеждѣ, съ 130 всадниками. Мы думали, что это враги, но это оказались, Славу Богу, друзья, направляющіеся къ Шаху для изъясненія почтенія.

Скоро послѣ сего, нѣсколько дней спустя, мы, не успѣвъ еще выйти изъ Арменіи, наткнулись снова на 500 Турокъ, бѣжавшихъ изъ Еривани и хотѣвшихъ насъ догнать, но прибывшихъ, приблизительно, на полдня позднѣе въ ту деревню, гдѣ мы ночевали. Еслибы Богъ не предотвратилъ этого, и Армяне насъ не предупредили, то, навѣрное, мы бы попались къ нимъ въ руки. Мы поэтому, въ ту же ночь тронулись дальше и другою дорогою пробрались изъ Малой Азіи, чрезъ Арменію, въ Александрію, небольшую пустынную страну, гдѣ встрѣтили Грузинскаго царя съ 10000 войска, шедшаго на помощь Персидскому Шаху. Онъ потребовалъ меня съ Посломъ къ себѣ и, между прочимъ, спросилъ меня, чрезъ переводчика: почему Его Римское Императорское Величество не посылаетъ посольства къ нему, тѣмъ болѣе, что онъ христіанинъ, а Шахъ—язычникъ? Что онъ де желаетъ быть въ дружескихъ отношеніяхъ съ Его Величествомъ.—На это я отвѣчалъ, что мой господинъ, посланный отъ Римскаго Императорскаго Величества къ Персидскому Шаху, умеръ, и что я не знаю, какія онъ имѣлъ порученія.

Разставшись съ нимъ, мы продолжали нашъ путь чрезъ Гордійскія и Мосхійскія горы (*Gordeos et Moschicos montes*), которыя чрезвычайно дики (*rauh*) и непроходимы (*unwegsam*) и составляютъ часть Тавра и Кавказскаго хребта. Ѣхать чрезъ нихъ на лошадяхъ чрезвычайно трудно и не безопасно, по причинѣ Татаръ, тамъ живущихъ, отъ которыхъ я отдѣлался при помощи персидскаго Посланника, отдавъ имъ коня, нѣсколько талеровъ и персидскій кинжалъ. Узнавъ, что я христіанинъ, они отвяли у меня чемоданъ (*Portaterra*), гдѣ были мои вещи и вещи моего господина. Поэтому же я принужденъ былъ оставить тамъ коня, подареннаго мнѣ Шахомъ. И такъ мы въ январѣ 1604 года прибыли съ персидскимъ Посланникомъ, съ большими затрудненіями и опасностью къ московской границѣ, въ Койсъ (*Cois*), небольшую крѣпость, расположенную по ту сторону Каспійскаго моря, у подножія вышеназванныхъ горъ и, такимъ образомъ, совершили съ Божьей помощью, весьма тяжелый и опасный переѣздъ въ 300 нѣмецкихъ миль. Городокъ этотъ Койсъ <sup>1)</sup> выстроенъ недавно,

<sup>1)</sup> Ср. Карамзинъ, Ист. Госуд. Росс. т. X, примѣч. 330: „Посла Государь (въ 1594 г.) кн. Андрея Ив. Хворостинина со многими ратными людьми, а съ



нѣсколько лѣтъ тому назадъ, Московскимъ Великимъ Княземъ Иваномъ Васильевичемъ съ тѣмъ, чтобы москвиты имѣли безопасный отъ Черкесовъ или Кумыковъ проѣздъ по морю въ Персію, а также и ради полосы земли въ этомъ мѣстѣ, изъ-за которой москвиты ежегодно ведутъ войну, и которая имъ уже стоила много тысячъ людей. Эта страна весьма бѣдна, и въ ней можно имѣть только морскую рыбу, зимою — валеную, а лѣтомъ — свѣжую. Сюда ссылаются лица, совершившія какое-либо преступленіе въ Москвѣ, и здѣсь находится постоянный гарнизонъ въ 1000 человекъ московскихъ солдатъ, которымъ часто нечего ѣсть. Солдаты получаютъ въ годъ нѣсколько четвериковъ (Scheffel) овсяной муки, привозимой имъ изъ Астрахани и 6 рублей жалованья, что равняется 18 флоринамъ. Овсяную муку (Habermehl) они называютъ толокномъ (Tolokna), размѣшиваютъ ее съ небольшимъ количествомъ воды и ѣдятъ это какъ хлѣбъ; это — пища весьма плохая. Тутъ намъ пришлось ждать около 6 недѣль, такъ какъ еще стояла зима, и море было, у береговъ во многихъ мѣстахъ замерзши, а далѣе, беспокойно и покрыто льдинами; ѣхать же сухимъ путемъ нельзя было изъ-за Татаръ. Мы ничего не могли достать за деньги и должны были бы голодать, еслибы не зарѣзали нѣсколько лошадей для пропитанія. Въ февралѣ, когда нужда дошла до крайнихъ предѣловъ, и жизненныхъ припасовъ оставалось у насъ уже немного для снабженія корабля, мы снова пустились въ путь, съ большими опасностями. Корабль и около тридцати человекъ провожатыхъ намъ далъ московскій воевода. Мы могли легко, при неблагопріятномъ вѣтрѣ, быть занесены въ открытое море и погибнуть голодною смертию, или попасть въ руки врагамъ, окружавшимъ насъ со всѣхъ сторонъ; могли также, такъ какъ это не было настоящее морское судно и не имѣло балласта, легко опрокинуться и пойти ко дну. Мы направлялись къ г. Тарки (Tereka), находящемуся приблизительно въ 17 нѣмецкихъ миляхъ, и оттуда въ Астрахань, въ 50-ти, приблизительно, миляхъ, но исполнили это не безъ труда: приблизительно въ 8 нѣмецкихъ миляхъ отъ Тарки, мы пристали къ небольшому острову, имѣющему по одной милѣ въ длину и въ ширину. Отъ него вплоть до самого города море было совсѣмъ замерзши, хотя встрѣчались кое-гдѣ и открытыя мѣста, накануне же вѣтромъ взгромоздило льдины сзади насъ такъ, что намъ пришлось 14 дней стоять здѣсь на яко-

---

Терку велѣлъ итти въ Шеввальскую землю и поставить городъ Койсу, а другой въ Таркахъ, и на Койсѣ городъ поставивши и съ ратными людьми сяде воевода кн. Волод. Тимое. Долгорукой“ и т. д.

рыхъ, не имѣя возможности двинуться ни впередъ, ни назадъ. Еслибы мы не взяли съ собой на корабль нѣсколькихъ лошадей посланника, коихъ мы убили и ѣли, то намъ пришлось бы умереть съ голоду, такъ какъ мы запаслись провіантомъ лишь до Тарки на 4 дня, а было насъ всѣхъ до 50 человѣкъ. вмѣсто дровъ мы жгли, растущій здѣсь въ изобиліи, камышъ и, такимъ образомъ, дождались болѣе удобнаго времени.

Въ послѣдующіе дни наступили весьма большіе холода, такъ что мы были принуждены, наконецъ, покинуть корабль, оставивъ на немъ нѣсколько сторожей, и пройти пѣшкомъ 8 нѣмецкихъ миль по льду (что было далеко не безопасно) до Тарки. Такъ какъ ледъ изъ морской воды имѣетъ свойство быстро таять, то, въ случаѣ оттепели, мы бы непременно всѣ утонули. Московскій воевода въ Тарки уже зналъ о нашемъ пріѣздѣ и поэтому, при вступленіи на берегъ, мы были встрѣчены болѣе чѣмъ 300 московскихъ всадниковъ, ожидающихъ насъ съ лошадьми, кои и доставили насъ въ городъ. Такимъ образомъ мы, съ Божьей помощью, совершили самую трудную и самую опасную часть путешествія изъ Персіи и прибыли въ безопасное мѣсто.

Городъ Тарки находится на разстояніи приблизительно одной доброй нѣмецкой мили отъ Каспійскаго моря, и двухъ дней пути отъ Дербента, турецкой крѣпости, причиняющей московитамъ и Персамъ большой вредъ, когда ихъ корабли случайно заносятся къ ней, и вообще, производящей грабежъ на морѣ. Въ этомъ мѣстѣ мы пробыли 6 недѣль, пока море не очистилось совершенно отъ льда. Слѣдующаго же 18 марта мы опять пустились по морю, по направленію къ Астрахани, куда благополучно прибыли 23 числа того же мѣсяца. Здѣсь намъ пришлось ждать до пятницы на Страстной недѣлѣ (по старому стилю) пока не были готовы корабли. Въ Страстную же пятницу мы отправились по, поманутой выше, рѣкѣ Волгѣ, вверхъ, въ сопровожденіи московитовъ, въ Казань. Здѣсь мы встрѣтились съ персидскимъ посольствомъ, возвращающимся изъ Московіи въ Персію, которое мой покойный господинъ встрѣтилъ годъ тому назадъ, когда оно направлялось въ Московію. Мы узнали отъ него <sup>1)</sup>, что Великій Князь послалъ ихъ государю, Персидскому Шаху, нѣсколько тысячъ людей, въ томъ числѣ, нѣсколько хорошихъ стрѣлковъ, и нѣсколько крупныхъ пушекъ для осады крѣпости Дербента. По словамъ посольства, Великій Князь убѣдилъ Шаха Персидскаго начать войну съ Турками. Я полагаю, что по взятіи сей крѣпости, и море и сухопут-

<sup>1)</sup> Т.-е. отъ посольства.

ныя дороги стануть гораздо болѣе безопасными. Здѣсь же къ намъ присоединились и ѣхали съ нами до Москвы два знатныхъ князя изъ Ногайскихъ Татаръ, по имени, одинъ—Джанъ-Арсланъ (Jeroslan), а другой—Иштерекъ (Estreck), которые были захвачены въ плѣнъ московскими казаками и привезены въ Казань. Имъ пришлось отдать себя въ подданство Великому Князю. Сынъ Иштерека принялъ крещеніе, былъ обвѣнчанъ съ знатною московскою боярышнею и оставленъ въ видѣ заложника. До сего они служили въ Венгріи, у Турокъ, противъ христіанъ и причиняли имъ большой уронъ и многихъ увели въ плѣнъ, изъ которыхъ и нынѣ еще многіе страдаютъ въ рабствѣ, подъ ихъ варварскимъ игомъ. По благополучномъ прибытіи моемъ въ Москву, Великій Князь пожаловалъ мнѣ сорокъ мѣховъ собольихъ и кунныхъ, а также нѣсколько локтей бархата.

15 іюля прибылъ въ Москву съ большею торжественностью Посоль Его Римскаго Императорскаго Величества, Нашего Всеимлостивѣйшаго Государя, господинъ Генрихъ фонъ-Логау, со свитою болѣе чѣмъ въ 60 человекъ, и былъ встрѣченъ такъ же, какъ нѣкогда и мы, 4000 всадниковъ, московитовъ и нѣмцевъ, которые были въ большемъ порядкѣ выстроены въ одной милѣ отъ города. Ему выслали впередъ большое количество прекрасныхъ, верховыхъ лошадей, убранныхъ серебромъ и золотомъ, и между ними одного арабскаго коня, покрытаго попоною изъ золотой парчи. По встрѣчѣ, его съ особою пышностью провели въ городъ на ту квартиру, которую занималъ раньше принцъ Голштинскій. Я съ нетерпѣніемъ ожидалъ сего прїѣзда и былъ чрезвычайно радъ ему. Поэтому я, какъ только прибылъ господинъ Посоль, сталъ денно и ночью добиваться того, чтобы меня допустили къ нему и помѣстили бы вмѣстѣ съ нимъ, ибо я уже довольно много времени былъ лишенъ общества нѣмцевъ и долженъ былъ довольствоваться обществомъ московитовъ, которое мнѣ уже давно надоѣло.

По прибытіи господина Посла, немедленно были присланы на кухню многія разнообразныя блюда и затѣмъ, ежедневно, доставлялось: по 1 цѣлому быку, 7 овецъ, 30 куръ, дичь, зайцы и оленина, утки, рыба, яйца, масла, два куска <sup>1)</sup> (Seiten) сала и иные припасы, а изъ напитковъ—тоже по нѣсколько бочекъ меда, трехъ сортовъ, водки и пива. Кромѣ того поручено было тремъ приставамъ ежедневно на-

<sup>1)</sup> На русскомъ языкѣ, кажется, нѣтъ особаго слова для передачи техническаго термина „Seite“, обозначающаго количество сала, находящееся у свиньи между передней лопаткой и окорокомъ.

вѣщать Посла и хорошенько смогрѣть за тѣмъ, чтобы онъ ни въ чемъ не нуждался.

18 іюля Великій Князь велѣлъ передать господину Послу, что онъ назначаетъ ему аудіенцію назавтра. Поэтому, 19 числа, часовъ около 9-ти, привели на дворъ большое количество прекрасныхъ коней съ золотыми сбруями и бархатными сѣдлами, дабы каждый могъ свободно себѣ выбрать по вкусу. Ъхали въ томъ же порядкѣ, какъ и при въѣздѣ въ городъ, но впереди всѣхъ, несли подарки, именно: во-первыхъ, 12 прекрасныхъ мушкетовъ, выложенныхъ перламутромъ; во-вторыхъ, великолѣпный, большой вызолоченный кубокъ и 3 прекрасныхъ мушкета; въ-третьихъ, большую золотую цѣпь и кубокъ; въ-четвертыхъ, великолѣпный кубокъ съ водяною мельницею при немъ; въ-пятыхъ, серебряную, позолоченую руку, на которой помѣщалось три кубка и райская птица; въ-шестыхъ, прекрасный, художественной работы письменный столъ изъ слоновой кости, окованный червоннымъ золотомъ; въ-седьмыхъ, три серебряныхъ фляги (Flaschen), вышиною болѣе двухъ локтей и несомыя, двумя лицами каждая; въ-восьмыхъ, два кубка такой-же величины; въ-девятыхъ, прекрасный, искусно сдѣланный корабль изъ серебра, довольно большой, около двухъ локтей въ длину, со всѣми снастями, такъ, какъ они отправляются въ море; въ-десятыхъ, прекраснаго оленя, на коемъ сидѣла Діана, съ великолѣпнымъ драгоценнымъ камнемъ на шеѣ; на головѣ у него, вмѣсто роговъ, были коралловыя вѣтви, необычайной красоты <sup>1)</sup>; въ-одиннадцатыхъ, три вѣрительныхъ грамоты, завернутыя въ красную и зеленую тафту, которыя господинъ Посолъ несъ самъ съ двумя знатнѣйшими совѣтниками (vornembsten Râthen) Великаго Князя, которые шли по бокамъ его. Остальные шли по трое въ рядъ, причемъ съ каждой стороны ѣхалъ московскій бояринъ. Отъ квартиры вплоть до княжескаго дворца (Palatium) стояли московскіе солдаты, съ мушкетами и саблями, образуя какъ бы улицу.

Когда мы вошли въ комнату, то оказалось, что Великій Князь сидитъ какъ разъ противъ двери, какъ я уже и говорилъ раньше, но въ другой одеждѣ, на золоченомъ тронѣ съ великолѣпною двойною короною на головѣ, и въ платьѣ изъ золотой парчи, украшенной до самого низу жемчугомъ и драгоценными камнями. Около него, сбоку, лежала другая, тройная корона, вышиною почти въ полтора локтя, великолѣпно разукрашенная и унизанная драгоценными камнями. Съ

---

<sup>1)</sup> Въ русскомъ переводѣ книги Аделунга сказано: „рога, сдѣланные изъ всегда зеленой жемолости“. Это—грубая ошибка.

лѣвой его стороны сидѣлъ молодой Князь Ѳедоръ Борисовичъ, 14 или 15 лѣтъ, въ платьѣ изъ серебрянаго глазета, съ позолоченнымъ жезломъ въ рукѣ. Когда Императорскій Посолъ, вручивъ подарки и вѣрительныя грамоты, кончилъ свою челобитную, Великій Князь, вмѣстѣ съ молодымъ Княземъ, всталъ и спросилъ о здоровьѣ Могущественнѣйшаго Императора и Государя, любезнаго Брата своего; все ли онъ еще бодръ (*frisch*) и здоровъ? Получивъ отвѣтъ, Великій Князь приказалъ оставить господина Посла и всѣхъ бывшихъ на пріемѣ у него: обѣдать, и насъ увели въ другую комнату, гдѣ вдоль стѣнъ, обтянутыхъ коврами, стояли скамьи, и находился также большой поставецъ, весь уставленный золотыми и серебряными вещами. Между прочими тутъ находился большой серебряный левъ, вмѣщающій въ себѣ болѣе бочки пива, а также и серебряная, вызолоченная бочка, тоже величиною съ пивною. Затѣмъ тутъ былъ большой, высокій столбъ, снизу и до самого верху, уставленный безчисленными, золотыми и серебряными кубками и чашами, разныхъ величинъ. Въ этой комнатѣ мы ждали около часу, пока насъ не позвали, наконецъ, къ столу. Изъ этой комнаты отворили дверь въ другую, въ которой сидѣлъ Великій Князь съ молодымъ Княземъ, своимъ сыномъ, на позолоченныхъ стульяхъ за серебрянымъ, позолоченнымъ столомъ. Недалеко отъ нихъ стоялъ другой, длинный столъ, за который посадили Императорскаго Посла со свитою, въ томъ порядкѣ, какъ они ѣхали во дворецъ. Болѣе 200, видныхъ изъ себя, московитовъ, большею частью, всѣ одинаково, въ платьѣ изъ золотой парчи, одѣтыхъ, прислуживали за столомъ и разносили кушанья. Великому Князю подали нѣсколько большихъ бѣлыхъ хлѣбовъ (*Semmel*), которые онъ самъ разрѣзалъ на куски и приказалъ отнести по куску каждому по порядку, какъ они сидѣли, со словами: „Государь Великій Князь Борисъ Ѳедоровичъ своимъ хлѣбомъ тебя пожаловалъ“. (*Hospodare VVelike Kness Boris Foedrovvitzsch svvoiem hleb te rosollovvat*). Послѣ сего подали до 300 блюдъ изъ чистаго золота съ кушаньями и разные напитки, и обѣдъ продолжался около пяти часовъ. Въ этой же комнатѣ (но отдѣльно отъ насъ) обѣдало еще болѣе 200 человекъ, нѣмцевъ, но никому изъ нихъ не позволялось подойти къ намъ, а еще менѣе, говорить съ нами; за этимъ московиты зорко слѣдили.

По окончаніи обѣда, насъ опять тѣмъ же порядкомъ, каждого на своемъ конѣ (*indem man einem jeden sein Rosz gegeben*), отвели въ наше помѣщеніе, а по пріѣздѣ домой опять угощали разнаго рода напитками.

Также и 2-го августа, когда Великій Князь праздновалъ день своего рожденія, намъ, какъ и раньше, прислали изъ дворца 200 чело-вѣкъ, которые несли каждый по блюду съ разными рыбами, ибо это былъ постный день у московитовъ. Впереди же всего несли большіе хлѣбы—каждый хлѣбъ по два чело-вѣка.—Сперва поднесли одинъ го-сподину Послу, а потомъ и остальнымъ, по старшинству чина, съ тѣми же словами, которыя я уже привелъ выше: что Великій Князь, дес-кать, насъ ими жалуетъ.

Два дня спустя, рано утромъ, явился Канцлеръ въ сопровожденіи нѣсколькихъ другихъ знатныхъ бояръ (Baiajn) и привезъ съ собою соболей, куницъ и камки (Damaschken). Господину Послу онъ отъ имени Великаго Князя поднесъ платье изъ золотой парчи, шитое спереди жемчугомъ и опушенное соболемъ, а также 5 сороковъ соболей, 3 сорока куницъ и 3 сорока чернобурыхъ лисицъ, а также и глав-нымъ членамъ посольства по сорока соболей и куницъ, прислугѣ же по 12 локтей камки. На другой день, рано утромъ, Посоль имѣлъ прощальную аудіенцію, и насъ отпустили. Такимъ образомъ, мы, 24 августа, снова отправились въ путь въ Германію, на Нарву, къ морю, сопровождаемые большимъ количествомъ знатныхъ и благородныхъ лицъ изъ города.

О томъ, что приключилось съ нами далѣе, на пути изъ Москвы до Праги, какъ насъ 2 шведскихъ корабля захватили, когда мы отплыли изъ Нарвы по Балтійскому морю, направляясь къ Грейфсвальду въ Помераніи, и, противъ желанія, отвели насъ въ Швецію, въ Сток-гольмъ, гдѣ насъ, однако, великолѣпно принялъ герцогъ Карлъ, щедро снабдившій нашъ корабль припасами и давшій намъ большой шведскій корабль для сопровожденія до Грейфсвальда, равно и о большой бурѣ, которую мы выдержали между островами Борнгольмомъ и Эландомъ, и которая разсѣяла наши корабли, и какъ мы, благополучно прибывъ въ Грейфсвальдъ, были отлично приняты герцогомъ Филиппомъ Юлі-емъ Вольгастскимъ а также и герцогомъ Штеттинскимъ,—обо всемъ эгомъ, Ваше Императорское Величество, безъ сомнѣнія, узнаете со всѣми подробностями отъ господина Посла, Генриха фонъ Логау.

# ПРИЛОЖЕНІЯ.

## I.

### Первое письмо Ст. Какаша къ бар. Вольфу Унферцахтъ.

Москва, 25 ноября 1602 г.

Свѣтлѣйшему господину Вольфу Унферцахтъ, барону Реца и Ебенфурта, ленному владѣльцу Петернеля и Гаймбурга, Тайному Совѣтнику Его Величества, Предсѣдателю Камеральнаго Суда и т. д.

Свѣтлѣйшій, всемилостивѣйшій государь мой, всегда я низжайше къ услугамъ Вашимъ и т. д.

18 октября я писалъ Вамъ изъ Смоленска, перваго московскаго города, и извѣстилъ Васъ обо всемъ, что приключилось со мною до того числа.

Считаю долгомъ не пропускать ни одного случая, чтобы не сообщить Вамъ нѣкоторыхъ подробностей о дальнѣйшемъ моемъ путешествіи.

Вопреки обѣщанію, данному мнѣ лицами, приставленными для моей охраны въ Смоленскѣ, что я черезъ пять дней прибуду въ Москву, я употребилъ на переѣздъ до этого города, не менѣе двухъ съ половиною недѣль, дѣлая по 4—5 миль въ день.

Я постоянно просилъ моихъ спутниковъ ѣхать скорѣе и употребилъ всевозможные способы, дабы склонить ихъ къ этому, но мои усилія были тщетны, ибо москвиты, въ свое оправданіе, ссылались на, яко бы полученныя ими отъ Великаго Князя, приказанія, коихъ они не смѣли не исполнять.

А между тѣмъ, я изъ Орши писалъ Канцлеру въ весьма ясныхъ выраженіяхъ, что, по исполненіи порученія къ Великому Князю, я немедленно долженъ пуститься въ путь далѣе, въ Персію, дабы успѣть переплыть море до морозовъ. Поэтому я просилъ его устранить все, что могло бы замедить мой пріѣздъ въ Москву и постараться поскорѣе доставить мнѣ аудіенцію у Великаго Князя. Наконецъ, съ Божьей помощью, я, въ добромъ здравіи, прибылъ 6 но-

ября, въ Москву. Аудіенцію мнѣ дали 17-го. По правдѣ сказать, я не пропускалъ ни одного дня безъ того, чтобы просить о сей чести. Канцлеръ Аѳанасій Ивановичъ Власевъ, который нѣкогда былъ посланъ Посломъ къ Его Императорскому Величеству, Нашему Всемиловитому Государю и принять имъ въ Пильзенѣ, велѣлъ своему секретарю сказать мнѣ, чтобы я не обращалъ вниманія на эти задержки и объяснилъ мнѣ ихъ причину: два дня послѣ моего пріѣзда, скончался герцогъ Іоаннъ, братъ Датскаго короля, пріѣхавшій свататься къ дочери Великаго Князя. Онъ былъ одаренъ наилучшими качествами, и Великій Князь былъ явно очень огорченъ его смертию, надѣлъ, со всѣмъ своимъ дворомъ, трауръ по немъ и находился въ дурномъ настроеніи духа.

Аудіенція произошла слѣдующимъ образомъ: рано утромъ, около 10 часовъ, мнѣ привели, отъ имени Великаго Князя, для меня и для восьми моихъ спутниковъ, девять лошадей, великолѣпно убранныхъ, и попросили меня собираться, такъ какъ Великій Князь изъявилъ желаніе меня видѣть. Въ одиннадцатомъ часу явился приставъ (такъ зовутъ то лицо, которому поручено заботиться о моемъ содержаніи) съ сорока придворными; всѣ они были верхомъ и заѣхали за мной. Улицы, вплоть до дворца, были наполнены зрителями, во дворцѣ ихъ было еще больше. По словамъ моего переводчика, неоднократно уже бывавшаго въ сей странѣ, это дѣлается нарочно, по приказанію Вел. Князя, дабы Посолъ былъ удивленъ и пораженъ видомъ такой толпы. Все время, пока я взбирался на верхъ лѣстницы, звонили въ большой колоколъ. Великій Князь находился въ третьей залѣ отъ входа и сидѣлъ на тронѣ, возвышающемся на трехъ ступенькахъ, въ темно-сѣрой (gris-de fer) одеждѣ, въ знакъ траура. Молодой сынъ Вел. Князя былъ одѣтъ въ крапчатый бархатъ, бѣлый съ чернымъ, и сидѣлъ на другомъ тронѣ, по правую сторону отца. По бокамъ залы, на нѣкоторомъ разстояніи отъ трона, сидѣли бояре и знатнѣйшія лица, числомъ около двухъ сотъ, скорѣе даже, больше. Канцлеръ говорилъ первый, въ такихъ выраженіяхъ: „Его Императорское Величество, Свѣтлѣйшій, Могущественнѣйшій Императоръ и Король Римскій, любезнѣйшій Братъ Вашего Величества, прислалъ къ Вашему Величеству Посла, который, въ настоящую минуту, предстоитъ предъ Вами“. При этомъ я долженъ былъ подойти и поцѣловать руки у обоихъ Вел. Князей. За симъ я сталъ опять на свое мѣсто и Канцлеръ объявилъ мнѣ, что я могу теперь говорить, и что Его Величество выслушаетъ меня съ удовольствіемъ.



Наканунѣ аудіенціи, Канцлеръ присылалъ ко мнѣ своего секретаря сказать, чтобы я не держалъ длинной рѣчи, такъ какъ Императоръ (Empereur) не здоровъ и не можетъ дать мнѣ продолжительной аудіенціи. Онъ также попросилъ сообщить ему мою рѣчь, дабы удостовѣриться, что въ ней нѣтъ ничего несогласнаго съ московскими обычаями. Кромѣ того, просилъ онъ меня не говорить о моемъ путешествіи въ Персію. Я велѣлъ прочесть ему небольшую, приготовленную мною рѣчь, которую мнѣ, однако, не пришлось произнести. Секретарь ушелъ, но, вечеромъ, снова пришелъ и просилъ меня, отъ имени Канцлера, говорить по-нѣмецки и удовольствоваться однимъ привѣтствіемъ отъ имени Его Величества; онъ попросилъ меня письменно изложить то, что я намѣревался сказать, дабы передѣлать это на московскій ладъ, и попросилъ меня прибавить нѣсколько словъ къ молодому Князю. Я написалъ небольшую рѣчь, тутъ же, въ его присутствіи, ибо онъ не хотѣлъ уходить безъ сего. На другой день, рано утромъ, мнѣ возвратили мою рѣчь, измѣненную слѣдующимъ образомъ <sup>1)</sup>. Въ ней находится все, сказанное мною, безъ малѣйшей прибавки.

Какъ только я кончилъ свою рѣчь, Великій Князь всталъ, снялъ шапку и спросилъ о здоровьѣ брата своего, Римскаго Императора. Когда я ему отвѣтилъ, то всталъ молодой Князь, также обнажилъ голову и предложилъ мнѣ тотъ же вопросъ. Послѣ того Великій Князь, позвалъ къ себѣ Канцлера и велѣлъ ему сказать слѣдующее: „Степанъ! Свѣтлѣйшій, Могуществѣннѣйшій Царь Всея Руси, Повелитель столькихъ странъ и столькихъ государствъ, говоритъ, что онъ радъ былъ видѣть тебя и доволенъ твоими рѣчами; онъ прочтетъ письмо Римскаго Императора и когда узнаетъ желанія Его Величества, то дастъ тебѣ отвѣтъ“. Затѣмъ Великій Князь еще разъ позвалъ Канцлера и велѣлъ ему сказать слѣдующее: „Степанъ! Свѣтлѣйшій и т. д., говоритъ, что не задерживаетъ васъ болѣе на сей разъ. Отправляйтесь на вашу квартиру, гдѣ васъ сегодня будутъ угощать отъ имени Его Величества; вамъ будутъ отпущены кушанья съ его стола, и Его Величество желаетъ, чтобы пышнѣйшій день былъ для васъ днемъ радости“. Такимъ образомъ меня отпустили. Въ первомъ часу, вижу, являются около ста человекъ съ хлѣбомъ, напитками, разнаго рода мясомъ, какъ-то: говядиною, олениною, лосиною и другою дичью, курицами и гусями въ большомъ количествѣ. Я далъ имъ 12 дукатовъ

---

<sup>1)</sup> У г. Шефера приложена эта рѣчь, но я нашелъ латинскимъ приводить ее здѣсь, такъ какъ пресѣбы Какаша изложены во второмъ письмѣ его.

въ вознагражденіе, и ѣлъ эти припасы вмѣстѣ со многими придворными. На другой день, 18 ноября, я, чрезъ своего пристава, просилъ свиданія съ Канцлеромъ и каждый день повторялъ мою просьбу, пока ее, 21-го числа, не уважили. Я выразилъ желаніе узнать день, назначенный для моего отъѣзда; Канцлеръ, чрезъ своего секретаря, увѣдомилъ меня 23-го, что я скоро буду отпущенъ, и посоветовалъ мнѣ начать приготовленія къ путешествію и обзаводиться всѣмъ нужнымъ для предохраненія себя отъ холода. Вчера, 24-го, вечеромъ, Канцлеръ меня увѣдомилъ, что меня велѣно отпустить, и что я долженъ быть готовъ пустяться въ путь сегодня же. Я ему сейчасъ далъ знать, что приготовленія мои всѣ кончены, но что я надѣялся имѣть возможность передъ отъѣздомъ, поцѣловать руку Его Величества и получить его милостивое благословеніе (*bénédiction*) на столь продолжительное путешествіе; просилъ его сообщить мнѣ, приметъ-ли меня Великій Князь, и еще не получалъ отъ него отвѣта. Я тороплюсь писать Вашей Милости. Холодъ чрезвычайно великъ, и снѣгъ выпалъ густой.

По словамъ секретаря, до Астрахани, расположенной на берегу Каспійскаго моря, пути — два мѣсяца съ половиною, и даже больше, но я долженъ черезъ 6 дней достигнуть Волги и, такъ какъ она еще не замерзла, то я поплыву по ней и прибуду къ Каспійскому морю черезъ три недѣли. Насколько я понимаю моего переводчика, Великій Князь желаетъ поторопить меня съ отъѣздомъ, дабы я могъ путешествовать по водѣ, ибо дорога по сухопутью, чрезъ Татарскія степи не только болѣе длинна и утомительна, но къ тому же еще и опасна. По моему, Волга должна быть камнемъ, а не рѣкою, если она не замерзла при томъ холодѣ, какой мы испытываемъ. Богъ свидѣтель, что я истратилъ 86 дукатовъ на лисьи и овечьи мѣха, шапки, шаровары <sup>1)</sup>, сапоги, перчатки и т. п. для моихъ спутниковъ и для себя лично. Дукаты здѣсь принимаютъ только необрѣзанные (*de poids*). Молю Бога, да благословитъ Онъ меня, твердо рѣшившагося направить всю свою дѣятельность и всѣ свои умственные способности къ успешному выполненію, возложеннаго на меня, порученія, не щадя здоровья, ни жизни. Позволяю себѣ почтительнѣйше поручить Вашей Милости мою жену. Я составилъ завѣщаніе въ ея пользу и вручилъ его Вели-

<sup>1)</sup> Въ нѣмецкомъ изданіи книги Аделунга приведено это мѣсто изъ письма Какаша; тамъ сказано „schalauagen“, что вполне хорошо переводится черезъ „шаровары“. Г. Шеферъ почему-то переводитъ это слово черезъ „houseaux“. т.-е. „родъ штіблетъ“ или „гетръ“ (*guêtres*).

кому Канцлеру, съ просьбою о его утвержденіи. Просьба моя была благосклонно принята, но такъ какъ я между тѣмъ уѣхалъ, то Его Милость г. Барвицій не успѣлъ передать ее, при мнѣ, г-ну Дицъ (Dietz), секретарю (secrétaire) Тироля, для отправленія. Я просилъ еще объ одномъ владѣніи въ Тиролѣ и моя просьба была уважена, но я не дождался окончанія сего дѣла. Именемъ Бога заклинаю Вашу Милость, распросите г-на Дицъ объ этомъ, устройте все, какъ можно лучше, для моей жены и перешлите ей эти документы въ Боннъ. Я знаю, что предпринимаю опасное путешествіе, но все возможно, при помощи Бога, на Котораго я полагаюсь. Я увѣренъ, что *quo autore tantum provinciam suscepi, eodem domino adjutore ubique tutum me futurum et omnia ex sententia gesturum*<sup>1)</sup>. Еще не слышно ничего о г. Авраамѣ фонъ-Донау<sup>2)</sup>; меня такъ часто о немъ спрашиваютъ, что мнѣ кажется, что сомнѣваются въ его приѣздѣ и это вызываетъ нѣкоторое недовольство. Не взыщите, Ваша Милость, за длинное письмо: мнѣ хотѣлось подробно объяснить Вамъ все. Смирренно молю Всемогущаго Бога, да даруетъ Онъ Нашему Все милости-вѣйшему Государю, а также и Вамъ благополучный Филипповскій постъ (*un heureux Avent*) и счастливый Новый Годъ. И да пошлетъ Онъ, въ божественномъ своемъ промысленіи, Вамъ (*en sa divine providence*) еще много столь же счастливыхъ лѣтъ.—Аминь.

*Illustrissimae Dominationis V. servus addictissimus, affinis indignus.* Стефанъ Какашъ изъ Залонкемени.

Еще прошу я Вашу Милость, не считите за признакъ тщеславія, что я прибавилъ къ моему имени, слово „*affinis*“<sup>3)</sup>. Я сдѣлалъ это для того, чтобы мое начальство (*mes supérieurs*) не дивилось тому, что я пишу Вашей Милости конфиденціальныя письма, болѣе длинныя, нежели тѣ, которыя я посылаю имъ.

Государь мой! Я кончалъ мое письмо, когда ко мнѣ явился секретарь Канцлера съ двумя молодыми москвитами, знатнаго происхожденія, и объявилъ мнѣ, что эти молодые люди будутъ сопровождать меня до Казани. Въ этомъ городѣ я найду двухъ другихъ, которые поѣдутъ со мной до Астрахани, ибо весь этотъ переѣздъ слишкомъ великъ для того, чтобы тѣ могли сопутствовать мнѣ до конца. Астрахань—страна Скиѳовъ, простирающаяся до Каспійскаго моря;

<sup>1)</sup> Т.-е. я увѣренъ, что тотъ, кто приказалъ мнѣ предпринять путешествіе, вездѣ будетъ меня защищать, и что я исполню все какъ слѣдуетъ.

<sup>2)</sup> Видимая описка; Какашъ разумѣетъ Генриха фонъ-Логау.

<sup>3)</sup> Родственникъ по браку, зять или шурина.

главный городъ въ ней носить то же названіе. Это — *emporium Tartarorum* <sup>1)</sup> и ея обитатели признають себя вассалами Великаго Князя московскаго. Въ нѣкоторыхъ книгахъ этотъ городъ упоминается подъ названіемъ *Citrasanum*. Мнѣ еще неизвѣстно, поѣдутъ ли, данные мнѣ въ спутники, молодые люди, на мой счетъ, или нѣтъ. Кромѣ того, секретарь мнѣ объявилъ, что приготовлено пять двумѣстныхъ саней, запряженныхъ, каждая, одною лошадыю. Время покажетъ, будутъ ли эти лошади также кормиться на мой счетъ, или нѣтъ. Завтра, утромъ, Канцлеръ, самъ, дастъ мнѣ грамоту къ Кизильбашѣ, т. е. Персидскому Шаху, и другія бумаги. Мнѣ надо быть совершенно готовымъ, и сани должны быть уже нагружены, такъ, чтобы я немедленно могъ отправиться въ путь. Мнѣ нельзя имѣть болѣе аудіенціи у Императора, ибо Его Величество проводитъ почти все время въ постели, но Канцлеръ будетъ говорить со мною отъ имени Его Величества и дастъ мнѣ благословеніе за него. Кончаю на этомъ мое письмо и ничего не буду въ состояніи прибавить къ нему, такъ какъ завтра утромъ я долженъ выѣхать, тотчасъ послѣ свиданія съ Канцлеромъ. А между тѣмъ, мнѣ бы хотѣлось сообщить Вашей Милости о моемъ разговорѣ съ нимъ. Я посылаю настоящее письмо до Полоцка съ однимъ изъ моихъ служителей, уроженцемъ этого города и оставившемъ тамъ жену. Полоцкъ — укрѣпленный городъ, принадлежитъ Польскому государству. Онъ былъ отнятъ у московитовъ королемъ Стефаномъ. Я направляю мои письма къ патеру Михаилу Слубовскому, ректору Полоцкой семинаріи, который перешлетъ ихъ іезуитамъ въ Краковъ. Я бы охотно взялъ вышепомянутаго слугу съ собою въ Персію: онъ хорошо говоритъ по московски и оказалъ мнѣ здѣсь большія услуги, какъ переводчикъ. Я его нанялъ проѣздомъ черезъ Краковъ, на одинъ годъ, за крупную сумму, но скрылъ отъ него, равно какъ и отъ остальныхъ всѣхъ слугъ, (что дало поводъ ко многимъ непріятностямъ) мое намѣреніе ѣхать въ Персію, а теперь онъ не соглашается на это путешествіе, изъ-за жены своей. Я даю ему 10 дукатовъ на дорожніе расходы, сверхъ того, что я накупилъ для него. Итакъ, насъ всего восемь человекъ или, вѣрнѣе, десять, если считать двухъ московитовъ. Нѣтъ ничего такого новаго, чтобы я могъ сообщить Вашей Милости. Я тщательно справлялся: не находится ли Персидскій Шахъ во враждебныхъ отношеніяхъ съ нашимъ наслѣдственнымъ врагомъ, но здѣсь объ этомъ ничего вѣрнаго не знаютъ. Великій Князь послалъ въ прошломъ

---

<sup>1)</sup> Главный рынокъ.

году посольство въ Персію, но оно еще не возвращалось оттуда. Господь Всемогущій да хранитъ Васъ въ добромъ здоровьи, я же почтительнѣйше препоручаю себя Вашей Милости.

## II.

## Второе письмо Ст. Какаша къ бар. Вольфу Унферцахтъ.

(Адресъ и начало письма—тѣ же, что и въ первомъ).

Москва, 26 ноября 1602 г.

Сегодня, рано утромъ, часа два тому назадъ, я имѣлъ прощальное свиданіе съ Канцлеромъ и хотѣлъ уже отправляться, а бывший у меня слугою, Матвѣй Аванасьевичъ Нероновскій, уже садился на лошадь, чтобы везти мои письма, какъ вдругъ явился слуга отъ Канцлера и отъ его имени попросилъ меня отложить на два дня отъѣздъ моего слуги, ибо Великій Князь пожелалъ дать ему письмо отъ себя къ Его Величеству Римскому Императору. Я попросилъ тогда отсрочки и для себя, на полчаса, чтобы написать Вамъ и сообщить, что со мною дѣлается, но могъ исполнить это лишь послѣ того, какъ мой слуга вернулся отъ Канцлера и принесъ мнѣ разрѣшеніе на это. Предложеніе Канцлера <sup>1)</sup> меня нѣсколько смутило, ибо мой слуга намѣревался ѣхать лишь до Полоцка. По зрѣломъ обдуманіи, я рѣшилъ, что самое лучшее, на что я могу рѣшиться, это—уговорить моего слугу, чтобы онъ отвезъ письмо Великого Князя, вмѣстѣ съ моими, въ самую Прагу, на что онъ согласился, но на слѣдующихъ условіяхъ: 1-ое, что я выхлопочу для него, при посредствѣ папскаго нунція въ Польшѣ, освобожденія отъ взноса тридцатой доли, такъ какъ онъ занимается торговлей, и отъ времени до времени, ѣздитъ въ Ригу за покупками. Находясь въ затруднительномъ положеніи, я былъ вынужденъ обѣщать ему это, надѣясь на благорасположеніе нунція. Я напишу объ этомъ Его Преосвященству господину нунцію, а также и Его Преосвященству, епископу Краковскому, Бернгарду Маціевскому, который нерѣдко оказывалъ мнѣ знаки благоволенія. Въ случаѣ, если мой посланный исполнитъ свое обѣщаніе, и доѣдетъ самъ до Праги, то я прошу Вашу Милость достать ему рекомендательное письмо отъ Его Преосвященства, нунція Филиппа Спинелла къ Его Преосвященству Клавдіи Рангони, нунцію въ Польшѣ. Черезъ это онъ легче достигнетъ того, чего желаетъ, если только Ваша Милость не найдете иной какой, лучшей, награды для него.

<sup>1)</sup> Отвезть письмо Годунова къ Рудольфу II, въ Прагу.

Второе его условіе то, что Его Величество, Всемилостивѣйшій Государь мой, соблаговолить пожаловать ему подарокъ, въ знакъ того, что доволенъ имъ, и дастъ ему денегъ на путевыя издержки, а также и на пропитаніе его, какъ во время пути, такъ и во время пребыванія его въ Прагѣ.

Полоцкъ находится въ двухъ стахъ сорока миляхъ отъ Праги.

Спѣшу сообщить Вашей Милости и то, что сказалъ мнѣ Канцлеръ сегодня утромъ. Онъ началъ съ того, что извинился, что Его Величество отказалъ мнѣ въ прощальной аудіенціи, но что я могу теперь уже считать, что удостоился этой милости, такъ какъ Великій Князь намѣренъ принять меня, когда я буду ѣхать обратно.

Затѣмъ, онъ отвѣтилъ мнѣ слѣдующее на просьбы, изложенныя въ моей челобитной:

1. Въ отвѣтъ на просьбу, дать мнѣ свободный пропускъ чрезъ Московію и препоручить меня вниманію сосѣднихъ государей, Его Величество далъ мнѣ двухъ служащихъ при его дворѣ, въ спутники до Казани, и обѣщалъ написать туда, чтобы два другихъ лица были бы готовы проводить меня до Астрахани, пограничнаго города Московскаго княжества. Кромѣ того, Его Величество обѣщалъ написать Татарскимъ и прочимъ князьямъ и начальникамъ, о свободномъ пропускѣ меня чрезъ ихъ владѣнія, и увѣрялъ меня, что мнѣ нечего бояться и что до Казани мнѣ не придется платить, ни за лошадей, ни за сани.

2. Его Величество согласился дать мнѣ переводчика, хорошо знающаго по персидски, о которомъ я просилъ, обѣщая послать объ этомъ точный указъ воеводѣ въ Астрахань.

3. Его Величество также прикажетъ этому воеводѣ, согласно третьей моей просьбѣ, приготовить хорошее судно и опытнаго шкипера а равно и прикрытіе для переправы моей чрезъ Каспійское море.

4. Въ исполненіе моей четвертой просьбы, все это будетъ готово къ тому времени, когда подуетъ попутный вѣтеръ, дабы ничто не помѣшало моему отъѣзду.

5. Кромѣ того, согласно желанію Его Величества Рѣмскаго Императора, Его Величество написалъ Аббасу Кизильбашѣ, и эту грамоту мнѣ сейчасъ вручили.—Секретарь еще вчера объявилъ мнѣ, что мнѣ позволено отправить моего слугу съ письмами. Въ концѣ концовъ, онъ прибавилъ, что я могу быть увѣренъ, что Его Величество благоволитъ ко мнѣ и радъ былъ видѣть меня; что Е. В. желаетъ мнѣ добраго пути и счастливаго возвращенія, и что самое лучшее для меня —возвращаться опять чрезъ Московію, гдѣ я могу твердо расчиты-

вать на то, что найду у Е. В. самой ласковый приемъ. За всѣ эти милости я усердно, насколько могу, благодариль.....

Спѣшу этимъ закончить мое письмо. Такъ какъ уже скоро 12 часовъ, то я посылаю къ Канцлеру сказать, что я желалъ бы отложить свой отъѣздъ до завтра. Мнѣ надо еще писать папскому пунцію, и епископу въ Краковѣ, по поводу просьбъ моего гонца. Еще разъ препоручаю себя и все мое семейство Вашей Милости, отъ глубины сердца желая Вамъ и всѣмъ Вашимъ родственникамъ, да пошлетъ Вамъ Господь долгую и счастливую жизнь. Коли Богъ дастъ, то я напишу Вашей Милости еще изъ Казани, съ кѣмъ либо изъ моей свиты.—  
Москва 26 ноября 1602 года.

Вашей Милости низжайшій и покорнѣйшій слуга Стефанъ Какашъ изъ Залонкемени.

Еще разъ покорнѣйше прошу Вашу Милость, не принять за знакъ гордости и тщеславія съ моей стороны то, что я, недостойный и ничтожный человекъ, дерзаю называть себя Вашимъ родственникомъ. Я сказалъ это и моему гонцу для ббльшаго увѣренія его въ томъ, что его труды не останутся безъ вознагражденія. Я увѣренъ, что онъ теперь добросовѣстно исполнитъ порученіе.

Я ежедневно благодарю и долженъ всю жизнь свою благодарить Господа за выпавшее на мою долю счастье. Не будь письма отъ Великаго Князя, моему гонцу не нужно было бы ѣхать до Праги, и мои письма были бы доставлены св. отцамъ въ хорошія руки. Но такъ какъ я долженъ ѣхать, а гонцу моему приходится дожидаться письма Великаго Князя, то я не счелъ удобнымъ подвергнуть случайности важное посланіе къ моему Всемиловивѣйшему Государю. А между тѣмъ доставка его обойдется не дорого, ибо если гонецъ получитъ отъ короля Польскаго просимую имъ милость, то онъ вполне удовольствуется этою наградою <sup>1)</sup>.

---

<sup>1)</sup> Весь этотъ абзацъ не вполне ясенъ. Я думаю, что г. Шеферъ не совсемъ точно понялъ и перевелъ это мѣсто, и это обстоятельство, еще болѣе заставляетъ меня сожалѣть о томъ, что мнѣ не удалось достать точныхъ копій на языкѣ оригинала.

# УКАЗАТЕЛЬ.

Аббасъ Кизильбаша—53.  
Авраамъ, бургграфъ—7.  
Агеластъ, Георгъ—3, 4, 29, 30.  
Аделунгъ, учен.—6, 16 пр. 43 пр.  
49 пр.  
Азія, малая—39.  
Александрія—39.  
Алчность русскихъ—15.  
Альтенбургъ, гор.—5.  
Арменія—33, 38, 39; малая—37.  
Астрахань, гор.—25, 26, 28, 40,  
41, 49, 50, 53.  
Баево, дер.—10.  
Балтійское море—45.  
Барвицій—50.  
Баторій Сигизмундъ—3; Стефанъ—  
9, 12.  
Богослуженіе у русскихъ—19, 20; у  
персовъ—33—35.  
Боровскъ, гор.—13.  
Борнгольмъ, островъ—45.  
Боцень, гор.—29.  
Бракъ у русскихъ—22, 23; у пер-  
совъ—36.  
Бреславль, гор.—7, 24, 30.  
Бѣлоруссія—7, 8, 10.  
Вартенбергъ, гор.—7.  
Варшава, гор.—8.  
Василій Великій, Св.—13 пр.  
Вата (?) лѣсъ—10, 11.

Велюнь, гор.—8.  
Венгрія—42.  
Венеція, гор.—29.  
Веречь р. см. Меречь.  
Вильно, гор.—9.  
Вино у персовъ—37.  
Висла, р.—8.  
Владиміръ, гор.—24.  
Власьевъ, Ав. Ив., думн. дьякъ—47.  
Волга, р.—24, 25, 28, 49.  
Встрѣча пословъ русскими—10, 12,  
15.  
Вѣроисповѣданіе, русскихъ—19;  
персовъ—33—35.  
Вяземы, вотчина Годунова—15.  
Гады въ Ногайской землѣ—27.  
Гаймбургъ, гор.—46.  
Гассанъ-Али-Бегъ, посолъ отъ ша-  
ха—7.  
Гати, въ Московіи—11, 18.  
Геннингъ Гроссенъ, издат.—5.  
Генрихъ фонъ-Логау, посолъ—42,  
45, 50.  
Гилянъ, провинція Персіи—28, 31.  
Гирканское море см. Каспійское.  
Годуновъ, Бор.—4, 11, 44.  
Голодь въ Московіи—18, 19.  
Гордійскія горы—19, 39.  
Гормайеръ, бар. изд.—6.  
Грейфсвальдъ, гор.—45.



- Григорій Назіанзинъ, Св., его рука—  
37.
- Гримани, Марино, венец. дожъ—  
29 пр.
- Гродно, гор.—8.
- Грубость русскихъ—23.
- Дербентъ, крѣп.—41.
- Джанъ-Арсланъ, кв. Ногайскій—42.
- Джюльфа, крѣп.—33, 37.
- Дицъ, секр. Тирол.—50.
- Дмитрій, царевичъ—15.
- Днѣпръ, р.—12.
- Дома въ Москвитіи—18.
- Дона, гор.—7.
- Дорогобужъ, гор.—13.
- Ериванъ, крѣп.—37, 38, 39.
- Женщины см. Положеніе.
- Иванъ Вас. Грозный—15, 24, 25, 40.
- Иванъ, Ив. царевичъ—15.
- Иконы, ихъ почитаніе москвитами—  
20, 21.
- Испаганъ, гор.—27.
- Иштерекъ, кв. Ногайскій—42.
- Юаннъ, герц. Датскій—47.
- Казакі—8, 9.
- Казанна, р.—25.
- Казань, гор.—23, 24, 25, 41, 42.
- Казбинъ, гор.—30, 31.
- Казиміръ см. Краковъ.
- Какашъ, Ст. посолъ—3, 8; его  
смерть—28; его наказъ—29, 30; его  
письма—46—54; его просьбы—53;  
приготовленія его въ путешествію—49.
- Карль, кв. Мюнстербергскій—7.
- Карль, герц. Шведскій—45.
- Каспійское море—19, 24, 28, 38,  
39, 41, 49.
- Керештешъ, гор.—27.
- Клевановъ, перев. соч. Аделунга—6.
- Клеопардія см. Краковъ.
- Климать Гиляни—28; Арменіи—38.
- Койссъ, гор.—39.
- Коста см. Францискъ.
- Краковъ, гор.—8 (части его), 51,  
53, 54.
- Кремеръ, д-ръ—7.
- Крещеніе дѣтей у московитовъ—22.
- Кумыки—40.
- Ланценъ, гор.—28, 30, 31.
- Ленкоранъ, гор.—3, 28, 30, 31.
- Литва—7, 8; чума въ ней—14.
- Логау см. Генрихъ.
- Магометъ-Шефи, губернаторъ Лан-  
цена—30.
- Мазовія, страна—7, 8.
- Марандъ, гор.—33.
- Маціевскій, Бернгардъ, еписк. Кра-  
ковскій—52.
- Меречь, р.—9 пр.
- Мехтинули-Бей, посолъ отъ шаха—  
38.
- Мечети у персовъ—34.
- Мидія, страна—33, 34, 37.
- Минскъ, гор.—9.
- Можайскъ, гор.—14.
- Монашество, поступленіе въ него у  
московитовъ—21.
- Московія, страна и гор.—9, 11, 12,  
13, 15, 18, 27, 45, 46, 53, 54.
- Москійскія горы—39.
- Мурать, переводчикъ—31.
- Муромъ, гор.—24.
- Накры—10 пр.
- Нарва, гор.—4, 45.
- Нахичиванъ, гор.—33.
- Нероновскій, Матвѣй, слуга Кака-  
ша—52.
- Николай, Св., покровитель Можай-  
ска—14.
- Новгородъ, Нижній, гор.—24.
- Ногайскіе Татары—19, 24, 25, 26,  
27.
- Обычаи московитовъ—10, 12.

Обѣды, у персовъ—36; у Вел. Кн. Московскаго—44.

Одежда, царская москов.—16; священниковъ у персовъ—35.

Ока, р.—24.

Ормусъ, островъ—27.

Орша—9, 10, 14, 46.

Павель, Ап.—21.

Павловскій, Христ.—27, 28.

Папа московитовъ—22.

Пароія, страна—28, 37, 38.

Персія—3, 5, 6, 14, 37, 51.

Петернель, гор.—46.

Пильзень, гор.—47.

Пляска у персовъ—33.

Подарки отъ Рудольфа II Годунову—43.

Пожары въ Москвѣ отъ свѣчей у ибонъ—20.

Положеніе женщинъ у московитовъ—23.

Полоцкъ, гор.—51—53.

Польша—7, 8.

Померанія—45.

Посуда—16.

Похороны, у московит.—23; у персовъ—35.

Прага, гор.—3, 4, 5, 7, 45, 52, 53.

Пристава—12.

Приемъ пословъ—16, 17, 43, 44, 47, 48.

Рангони, папск. нунцій—52.

Регаль, инструментъ музык.—17.

Религія см. Вѣроисповѣданіе.

Рець, гор.—46.

Рудольфъ II, императ.—3, 4, 6, 7, 9, 10, 14, 17, 32, 38, 39, 42, 45, 47, 52, 53, 54.

Самара, гор.—25.

Саратовъ, гор.—25.

Свіяжскъ, гор.—24.

Священники, у московитовъ—21; у персовъ—35.

Силезія—7.

Скиоія—50.

Слубовскій, М., ректоръ семинаріи въ Полоцкѣ—51.

Смоленскъ, гор.—10, 11, 46.

Соль, колодцы ея, цѣна, доходъ Вел. Кн. отъ нея—26.

Софи-Мирза, сынъ Шахъ-Аббаса—33.

Спинелла, папск. нунцій—52.

Станиславъ, Св., его гробница и правая рука—8.

Стокгольмъ, гор.—45.

Султанъ-Магометъ, сынъ Шахъ-Аббаса—33.

Тавризь, гор.—27, 30, 31, 33, 37, 38.

Тавръ, горы—39.

Тарки, гор.—40, 41.

Тироль—3, 29, 50.

Толокно, пища солдатъ—40.

Трубецкой, кн. Ник. Роман.—12.

Тулумбасы см. Накры.

Ундергольцеръ, Гансъ—29.

Унферцахтъ, бар. Вольфъ—6, 29, 46—54.

Учкисса см. Эчмиадзинскій мон.

Фидлеръ, Фр. пѣвннй, его выкупъ—27.

Филиппъ Юлій, герц. Вольгастскій—45.

Францискъ ди-Коста, патеръ—28, 29.

Царево-Займище, гор.—13.

Царицынъ, гор.—25.

Церкви московитовъ—20.

Ченстохово, гор. и монастырь—8.

Черемисскіе Татары—19, 24.

Черкесы—40.

Чума—14.

Шахъ-Аббасъ—3, 4, 7, 17, 28, 29, 30, 34, 36—39, 41, 51, 53.

- |  |                                       |
|--|---------------------------------------|
| Шахъ-Худабень—34.  | Эбенфуртъ, гор.—46.                   |
| Швейницъ, гор.—7.  | Эландъ, островъ—45.                   |
| Швеція—45.   | Эльба, р.—24.                         |
| Шевкальская земля—40 пр.   | Эльсъ, гор.—7.                        |
| Шеферъ, переводч. книги Т-ра—6,<br>17 пр., 20 пр., 30 пр., 48 пр., 49 пр.,<br>54 пр. | Эчміадзинскій монастырь—37.           |
| Ширль, Ант.—7; Робертъ—28, 30.   | Федоръ Ивановичъ, царь—15.            |
| Штеттинъ, гор.—4.  | Федоръ Борисовичъ Годуновъ—17,<br>44. |
-

## ДОПОЛНЕНІЯ И ПОПРАВКИ.

Печатая ниже нѣсколько дополнительныхъ біографическихъ свѣдѣній о Ст. Какашѣ и рядъ поправокъ къ переводу его писемъ, считаю долгомъ заявить мою глубокую благодарность двумъ почтеннымъ ученымъ, пришедшимъ съ полной готовностью мнѣ на помощь. Это именно—Завѣдующій отдѣленіемъ Государственнаго Архива въ Вѣнѣ, д-ръ Карль Шрауфъ (Herr Sectionsrath, D-r. Carl Schrauf), членъ Петербургскаго Историческаго Общества, и г. Андреасъ Верессъ, чрезвычайный членъ Вѣнскаго института для исторіи Австріи (Herr Andreas Veress, a. o. Mitglied d. Instituts f. österreichische Geschichte in Wien). Д-ръ Шрауфъ, несмотря на свои многосложныя, ученныя работы, взялъ на себя трудъ лично скопировать для меня оба письма Какаша и снабдить ихъ собственными, пояснительными примѣчаніями, а г. Верессъ, работающій специально надъ біографіей Какаша, сообщилъ мнѣ нѣсколько свѣдѣній о его жизни и указалъ на нѣкоторыя, неизвѣстныя въ Россіи, изданія книги Текандера. Не могу не поблагодарить здѣсь также и г. привать-доцента Московскаго университета, Е. Н. Щепкина, бывшаго посредникомъ между мною и вышеназванными учеными. Къ сожалѣнію, я получилъ все вышепоманутое уже по отпечатаніи моей работы, такъ что приходится помѣстить это въ концѣ, въ видѣ дополненій и поправокъ.

А. С.

### 1. Біографическія свѣдѣнія о Ст. Какашѣ.

Ст. Какашъ родился въ Клаузенбургѣ и былъ однимъ изъ выдающихся гражданъ его, какъ по природнымъ дарованіямъ своимъ, такъ и по образованію своему и богатству: съ 1597 по 1601 годъ онъ вносилъ самую большую цифру разнаго рода налоговъ и пошлинъ съ имущества. Онъ игралъ важную роль, какъ секретарь семиградскихъ князей Баторіевъ, которые неоднократно возлагали на него сложныя, дипломатическія и политическія, порученія. Какъ состоятельный человѣкъ, онъ нерѣдко давалъ громадныя суммы денегъ займы Сигизмунду Баторію и его женѣ, которые, каждый разъ какъ бывали въ Клаузенбургѣ, останавливались у него въ домѣ. Въ 1593 г. онъ ѣздилъ посломъ въ Англію къ королевѣ Елизаветѣ, а въ 1599—

въ Польшу. По возвращеніи оттуда, онъ былъ отправленъ кн. Андр. Баторіемъ въ Пильзень, къ императору Рудольфу II, съ предложеніемъ принять княжество Седмиградское. Онъ вернулся оттуда черезъ два мѣсяца съ отвѣтомъ императора, но, въ это время, воевода Михаилъ успѣлъ покорить Седмиградію, убить самого Андр. Баторіа, и, лишь по просьбѣ имперскихъ чиновъ, позволилъ Какашу возвратиться къ себѣ на родину и удержать за собою всѣ свои владѣнія. Но Какашу, послѣ паденія Баторіевъ, не жилось на родинѣ и онъ выхлопоталъ себѣ разрѣшеніе о продажѣ своего имущества и переселился, въ началѣ 1601 года, въ Тироль, въ г. Боцень. Отсюда, онъ былъ вызванъ императоромъ въ Прагу и получилъ назначеніе посломъ въ Персію.

## 2. Изданія и переводы книги Тектандера.

Первое изданіе, не носящее еще заглавія „Iter Persicum“, вышло въ Лейпцигѣ, въ 1608 году, иждивеніемъ Гевнинга Гроссена младшаго. Экземпляръ, чуть-ли не единственный, этого изданія хранится въ Императорской Библиотекѣ (К. и. К. Hofbibliothek) въ Вѣнѣ.

Изъ новыхъ перепечатокъ необходимо еще упомянуть объ изданіи, вышедшемъ подъ редакціею г. Волкана (Wolkan) въ 1889 году, въ Рейхенбергѣ (Reichenberg), подъ заглавіемъ: Georg Tectanders Reise nach Persien.

Необходимо, ради полноты, упомянуть еще, что въ 1892 году, вышелъ, въ Темесварѣ, переводъ на венгерскомъ языкѣ той части книги Тектандера, гдѣ описываются европейскія страны. Этотъ переводъ появился въ изслѣдованіи г. Стефана Самота (Stef. Szamota), озаглавленномъ: „Древне-венгерскіе путешественники по Европѣ“.

## 3. Поправки къ письмамъ Ст. Какаша.

Стр. 47, строка 14 снизу: „въ темносѣрой одеждѣ“. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ стоитъ: „nägelfarb“. По объясненію д-ра Прауфа это означаетъ „темнокоричневой“ (nelkenfarb, braunroth).

Стр. 47, строка 11 снизу: „по правую сторону отца“. Въ нѣмецкомъ подлинникѣ сказано просто: „glaim neben ihn“ что значитъ „близко, рядомъ съ нимъ“ (dicht, enge neben ihn).

Стр. 48, строка 2 сверху: „сказать“. Въ подлинникѣ: „просить“ (bitten).

Стр. 48, строка 9 сверху: „секретарь ушелъ“. Въ подлинникѣ: „уѣхалъ верхомъ“ (weggeritten).

Стр. 48, строка 4 снизу: „вижу“. Въ подлинникѣ этого нѣтъ, а сказано: „явилось болѣе ста человекѣ, по моему мнѣнію“ (über 100 Personen, achte ich).

Стр. 49, строка 6 снизу: послѣ „необрѣзанные“ прибавлено: „и весьма неохотно за 17 дюткеновъ (?), т. е. 102 крейцера и т. д.“ (undt gar ungern zu 17 dütken, 102 kraitzer etc).

Стр. 50, строка 8 сверху: „для моей жены“. Въ подлинникѣ добавлено: „бѣдной“ (armen frauen).

Стр. 50, строка 10 сверху: „на Котораго я полагаюсь“. Въ подлинникѣ добавлено: „твердо“ (stark vertrau).

Стр. 51, строка 4 сверху: „подъ названіемъ Citracanum“. Въ подлинникѣ добавлено: „я раньше читалъ кой - что объ немъ (davon ich vor dieszer Zeit etwas gelesen habe).

Стр. 52, строка 13 снизу: „вноса тридцатой доли“. Въ подлинникѣ сказано „отъ пошлины“ (vom draysich fray sain).

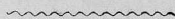
Стр. 54, строка 4—3 снизу: „А между тѣмъ“. Въ подлинникѣ: „но все же“. Какашъ хотѣлъ, повидимому, отправить съ Нероновскимъ донесеніе самому императору Рудольфу II, но не рѣшился на это, такъ какъ гонецъ долженъ былъ выѣхать уже послѣ его отъѣзда. Льготы, о которыхъ просилъ Нероновскій въ награду за свою поѣздку, Какашъ считаетъ не особенно важными, и поэтому, по его мнѣнію, доставка его писемъ обойдется не очень дорого.

---

### ЗАМѢЧЕННЫЯ ОПЕЧАТКИ:

Стр. 4, строка 8 сверху, напечат. „затрудненіями“, слѣд. „затрудненіями“.

Стр. 11, примѣч. 1, напечат. „подлинникъ“, слѣд. „подлинникъ“.



— Какашъ и Тектандеръ. Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602 — 1603 г. Перевелъ съ нѣмецкаго Алексѣй Станкевичъ. М. 1896.

На русскомъ языкѣ еще далеко не извѣстна обширная литература старыхъ иностранныхъ путешествій по Россіи и труды въ этомъ направленіи тѣмъ болѣе важны для изученія русской исторіи, что подлинныя изданія всего чаще бываютъ мало доступны, находясь только въ большихъ книгохранилищахъ, какъ библиографическая рѣдкость. Такова и небольшая нѣмецкая книга, переводъ которой сдѣланъ г. Станкевичемъ. Какашъ и Тектандеръ, одинъ родомъ изъ Седмиградіи, другой саксонецъ, были послами императора Рудольфа въ Персію, чтобы просить у шаха Аббаса поддержки противъ турокъ. Послы выѣхали изъ Праги въ августѣ 1602, прибыли въ Москву въ ноябрѣ, затѣмъ въ декабрѣ выѣхали въ Астрахань, но были задержаны зимою въ Казани, въ маѣ слѣдующаго года были въ Астрахани, и оттуда цѣлый мѣсяць ѣхали до Ленкорани, и т. д. Отъ нездороваго климата и дурной пици все посольство переболѣло, и Какашъ умеръ; посольство взялъ на себя его спутникъ. Возвращалось посольство опять черезъ Москву.

Въ описаніи путешествія большое мѣсто занимаетъ именно Москва и москвиты. Отношеніе къ нимъ обоихъ пословъ, или второго изъ нихъ, не весьма дружелюбное, какъ впрочемъ у большинства западно-европейскихъ писателей тѣхъ вѣковъ; многихъ вещей въ московской жизни иностранцы, конечно, не понимали, но большей частью показанія путешественниковъ имѣли фактическую основу и подтверждаются вообще показаніями другихъ иностранныхъ писателей. Послы были встрѣчены на границѣ московскимъ всадникомъ, который ихъ привѣтствовалъ и просилъ остановиться и ждать; самъ онъ уѣхалъ, чтобы извѣстить властей. Послы прождали съ добрый часъ на холодной и ненастной погодѣ, и затѣмъ явилась настоящая встрѣча: „къ намъ пріѣхали 12 всадниковъ, великолѣпно одѣтыхъ, видимо, знатныхъ особъ. У пяти изъ нихъ, у сѣдельной луки, висѣли небольшіе барабаны, въ которые они били, остальные же шесть свистали губами (mit dem Mund). Дѣло въ томъ, что у москвитовъ почти вошло въ обычай, чтобы дворяне или вообще лица, извѣстныя своею храбростью или принадлежащія къ рыцарскому сословію, привѣщивали подобные барабаны къ сѣдламъ, когда отправляются въ походъ, чѣмъ они и отличаются отъ простыхъ солдатъ. Они имѣютъ также обыкновеніе, когда спѣшать куда-либо, громко свистѣть, безъ всякаго орудія, одними губами, такъ громко и рѣзко, что ихъ слышно издалека. Этому свисту они научаются съ малолѣт-

*В. В. Родованъ 1897 г. 10/12/97*



ства чрезъ долгое упражненіе“. Кромѣ взаимныхъ официальныхъ привѣтствій, между послами и встрѣчавшими ихъ дворянами не было никакихъ разговоровъ. То же было и въ другой разъ, когда послы пріѣхали въ Смоленскъ: „насъ опять встрѣтило съ выстрѣлами большое количество знатныхъ дворянъ, изъ коихъ многіе были верхомъ, и проводили насъ до города. Никто изъ нихъ, кромѣ двухъ охранителей или надзирателей, называемыхъ ими приставами, и коимъ мы были препоручены, не смѣлъ молвить слова съ нами. Этотъ обычай былъ замѣчаемъ нами и другими, раньше насъ, повсюду, во всей московской странѣ, и москвиты придерживаются его такъ крѣпко, точно это—законъ, что никто не смѣетъ разговаривать съ посломъ. Причиною сему, можетъ быть, служить опасеніе умалить достоинство Великаго Князя, если кто другой станетъ говорить съ посланными къ нему, или они не считаютъ народъ способнымъ разговаривать приличнымъ образомъ съ ними, или, наконецъ, потому, что они боятся, что если посольскій станетъ разговаривать съ многими, то откроются и станутъ извѣстными многія ихъ тайны“. Послы ѣхали, конечно, въ сопровожденіи приставовъ, подъ Москвою ихъ встрѣтила „большая толпа знатныхъ москвитовъ“; ихъ помѣстили въ квартирѣ, „гдѣ все было великолѣпно устроено и прибрано, и откуда намъ, ни подъ какимъ видомъ, не позволяли выходить куда-либо, ни осматривать городъ вообще, но держали подъ карауломъ“. Затѣмъ они представлялись Борису, котораго они называютъ однако не царемъ, а великимъ княземъ. Поѣздъ ко дворцу былъ устроенъ съ большимъ великолѣпіемъ. „За нами явился нашъ охранитель, человѣкъ пожилой, знатнаго рода и занимающій важную должность, великолѣпно одѣтый, въ сопровожденіи нѣсколькихъ знатныхъ москвитовъ, оставшихся дожидаться насъ во дворѣ и также прекрасно одѣтыхъ, на разубранныхъ лошадяхъ. Они проводили насъ до великокняжескаго дворца, украшеннаго настѣнными коврами и великолѣпными картинами; съ правой стороны, на высокомъ поставцѣ, стояла золотая и серебряная посуда въ такомъ количествѣ и такихъ размѣровъ, что нельзя и рассказать. При въѣздѣ нашемъ звонили въ большой колоколъ, находящійся въ срединѣ двора и повѣшенный очень низко, не болѣе чѣмъ на 15 локтей, надъ землею“. Москва поразила ихъ своимъ многолюдствомъ; имъ говорили, что въ этомъ городѣ можетъ умѣститься до пяти милліоновъ человѣкъ; сами они замѣчали, что Москвы „почти нельзя сравнить ни съ какимъ нѣмецкимъ городомъ“. Упомянувъ о различныхъ частяхъ города, они замѣчаютъ, что въ самомъ центрѣ помѣщается „королевскій замокъ, окруженный особою стѣною и глубокимъ водянымъ ровомъ. Въ этомъ городѣ находится 1.500 церквей и монастырей, въ томъ числѣ два великолѣпныхъ храма при коро-

левскомъ замкѣ, въ которыхъ съ издревле хоронятся московскіе великіе князья, съ 7-ю башнями и прекрасными, густо позолоченными куполами, стоящими нѣсколько тоннъ золота и великолѣпными, большими колоколами, изъ которыхъ одинъ далеко превосходитъ, по величинѣ и звуку, тотъ, что находится въ Эрфуртѣ. На площади, у воротъ замка, стоятъ двѣ громадныя пушки, въ которыхъ легко можно помѣститься человѣку. Дома же и постройки всѣ вообще, большею частью деревянныя и безобразныя (unformirlich) и стоятъ не въ рядъ, какъ у насъ; комнаты обыкновенно снабжены печами безъ трубъ и въ окнахъ нѣтъ стеколъ. Самая страна представляется имъ очень пустынной и со множествомъ болотъ, и эта страна „до того строго охраняется, что проникнуть въ нее или убѣжать изъ нея тайно, безъ великокняжескаго пропуска или паспорта, невозможно“. „Вообще эта страна велика и пространна; она тянется вмѣстѣ съ землями татаръ, черемисовъ и ногайцевъ, которыхъ москвиты отчасти подчинили себѣ, почти на 550 нѣмецкихъ миль въ длину, до Каспійскаго или Гирканскаго моря, а въ ширину до горъ Гордійскихъ, но мало воздѣлывается, и городовъ въ ней немного; большей частью все это — пустыня, такъ что на разстояніи 20 или 30, а у ногайцевъ даже и 300 миль, не встрѣтишь ни одного города или села, кромѣ трехъ пограничныхъ укрѣпленій, воздвигнутыхъ москвитами въ ногайской землѣ при рѣкѣ Волгѣ для отраженія татаръ“. Нравы москвитовъ представлялись путешественникамъ чрезвычайно грубыми; духовенство „не получаетъ никакого образованія, какъ и вообще науки у нихъ не распространены, какъ у насъ“. Москвиты „крайне коварны и корыстолюбивы, хотя, не взирая на то, считаютъ себя самыми настоящими христіанами и не терпятъ того, чтобы имъ предпочли какой-либо другой народъ“. Изъ Москвы послы выѣхали на Владиміръ, который очень хвалятъ, дальше на Муромъ и Нижній-Новгородъ. Съ Нижняго начиналась дикая страна черемисскихъ татаръ до Казани, и отъ Казани такая же дикая пустыня до Астрахани: путешествіе сухимъ путемъ въ этихъ мѣстахъ было совершенно невозможно, такъ какъ въ странѣ было только дикое татарское населеніе и на протяженіи трехсотъ миль (т.-е. нѣмецкихъ, отъ Казани до Астрахани) было всего три небольшихъ города: Самара, Саратовъ и Царицынъ, которые путешественники называютъ пограничными; отсюда послы направились въ Персію.

Таково вкратцѣ содержаніе этого путешествія. По своимъ отзывамъ о москвитахъ, ихъ характерѣ и нравахъ, это путешествіе, какъ видимъ, совпадаетъ съ множествомъ другихъ подобныхъ описаній, и хотя эти иностранцы грубо толковали нѣкоторые изъ русскихъ обычаевъ, но замѣченныя ими черты русскихъ нравовъ и отсутствіе обра-

званія составляли, безъ сомнѣнія, подлинную особенность вѣка, которая подтверждается и русскими источниками.

— Сборникъ историческихъ матеріаловъ, извлеченныхъ изъ архива Собственной Его Императорскаго Величества Канцеляріи. Изданы подъ редакцію Н. Дубровина. Выпускъ восьмой. Спб. 1896.

Новый выпускъ изданія, которое займетъ мѣсто въ ряду важныхъ матеріаловъ для нашей внутренней исторіи, представляетъ документы двоякаго рода. Первый отдѣлъ заключаетъ собственноручныя записки императора Николая I къ статсъ-секретарю Танѣеву, который былъ начальникомъ его Собственной Канцеляріи, за 1830-1834 годы, и высочайшіе указы и рескрипты императора Николая съ 1832 до 1838 года. Второй отдѣлъ заключаетъ разныя офіціальныя бумаги и дѣловыя записки изъ временъ Александра I. Собственноручныя записки императора Николая, обыкновенно весьма краткія, въ нѣсколько строкъ, относятся къ самымъ разнообразнымъ дѣламъ, въ которыхъ Танѣевъ былъ исполнителемъ его распоряженій; записки относятся къ самымъ разнообразнымъ предметамъ, отъ политическихъ мѣръ въ связи съ тогдашними польскими волненіями и важныхъ распоряженій по внутреннимъ дѣламъ до всякихъ частныхъ подробностей, какія, между прочимъ, императоръ Николай замѣчалъ во время своихъ поѣздокъ, на примѣръ о состояніи почтовыхъ дорогъ, верстовыхъ столбовъ и т. п. Отмѣтимъ, напр., любопытную записку 1832 года, гдѣ императоръ Николай писалъ: „Всѣмъ вѣдомствамъ, кромѣ военнаго, коему уже предписано, на строгаѣшше подтвердить, не смѣть впредь входить съ представленіями объ *изъятіяхъ* изъ существующихъ законовъ и правилъ; ибо съ нѣкоторыхъ поръ сіе столь часто и всѣми дѣлается, что скоро законъ и правила будутъ одними изъятіями“. Изъятія могли быть, конечно, двоякаго рода: одни могли желать изъятія какъ привилегіи; но могъ быть вопросъ объ изъятіяхъ и въ такихъ случаяхъ, гдѣ законъ могъ такъ или иначе не отвѣчать измѣнившимся условіямъ жизни, — сводъ законодательства и сталъ одной изъ первыхъ задачъ, поставленныхъ въ царствованіе императора Николая. Въ другой запискѣ того же года императоръ писалъ изъ Чугуева: „Князю Мещерскому (т. е. Танѣевъ) долженъ былъ написать тогдашнему оберъ-прокурору святѣйшаго синода), что слушалъ обѣдню въ Полтавѣ, и былъ ею весьма доволенъ; такъ что можно примѣромъ поставить по благочинію, отличному пѣнію и совершенной согласности всей службы. Но при семъ замѣтилъ разницу въ служеніи, которую исправить: предъ чтеніемъ Евангелія

## **СТАНКЕВИЧЪ, АЛЕКСѢЙ.**

Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—  
1603 гг. Перевель съ нѣмецкаго Алексѣй Станкевичъ.  
(Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и  
Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ  
за 1896 г. кн. II и III, т. 177 и 178).

---

Москва, въ Университетской типографіи, 1896 г., 8°, стр. 61.

## **КАКАШЪ и ТЕКТАНДЕРЪ.**

Путешествіе въ Персію черезъ Московію 1602—  
1603 гг. Перевель съ нѣмецкаго Алексѣй Станкевичъ.  
(Изъ Чтеній въ Императорскомъ Обществѣ Исторіи и  
Древностей Россійскихъ при Московскомъ Университетѣ  
за 1896 г. кн. II и III, т. 177 и 178).

---

Москва, въ Университетской типографіи, 1896 г., 8°, стр. 61.